

18+

стихи и переводы

Александр Милитарев

Охота за деревом.

Стихи и переводы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28510071

ISBN 9785449014450

Аннотация

В первый полный поэтический сборник автора вошли стихи и переводы разных лет; часть их (в том числе перевод «Ворона» Эдгара По) выходила в сборниках «Стихи и переводы» (Наталис, М., 2001, 78 стр.) и «Homo tardus (Поздний человек)» (Критерион, М., 2009, 59 стр.) и нескольких литературных журналах. Большая часть переводов из Эмили Дикинсон и других англоязычных поэтов публикуется впервые. Переводы сонетов Шекспира вошли в книгу «Уильям Шекспир. Сонеты» (Литературные памятники, Наука, М., 2016). Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Об авторе	11
Краткое авторское предисловие	12
«Открытие требует отрыться...»	14
Из книги «Стихи и переводы»	16
Сонеты	16
«За все, чем жил, чем жив, благодарю...»	16
«Не научились даже умирать ...»	18
«Не меден как грошик и щит ...»	19
«Песок застлал руины Йерихона...»	20
«Прекрасной Франции холмы...»	21
«Мне мало дня – переползти висячий...»	22
Два сонета из венка	23
«В чаше черепа сладко вино...»	24
«Вот я, Аврам. Я выйду ночью рано...»	25
«Я – ИзраэльИзраэлькудурру. Я не боролся с Богом...»	27
«век бродячей собаки недолог...»	29
Из цикла «Одиссея»	30
«Последние метры в проливе сирен...»	30
«Гони женихов, Пенелопа!...»	32
Разное	35
«Помнишь...»	35
«Боинг курс спрямил на Канары...»	36

«Невероятна Барселона...»	39
Из книги «Homo tardus»	41
«Поэту нищенство – венок...»	41
«Я не пошел в Севилье на корриду...»	43
Из цикла «Филология»	44
Стихи о русской поэзии ушедшего века	44
Аське	44
В файл «Альбом.doc»	48
«Я десять лет не понимая...»	48
«Твоим стихам, написанным не рано...»	49
Бывший экспромт	51
«Постмодернизм – дедок попсы...»	51
«Поэтике мешает этика...»	51
«От постмодернистской оттяжки...»	53
Детям	55
Сонеты	63
«Есть в акте творчества три части...»	63
«Пьянят нас с детства миражи да глюки...»	64
«Искусство – древнее занятие...»	65
Из цикла «Второе отцовство»	66
Сыну-1	66
«Младенцы – отдельная раса...»	70
Тумбалалайка	71
Сонеты	73
«Ни жив, ни мертв, играть не в ту игру...»	73
«Ты сдул с меня позерства лепестки...»	74

Больничный	75
«К надежде от отчаянья кругами...»	76
«В статистике племен и наций...»	77
«Мне с юности казался странным...»	78
Автобиография	79
«Посмев избрать его дебют...»	79
«Мы прорываемся с боями...»	81
«Навалилась мертвая усталость...»	82
Разное	83
Воспитание морали	83
Инструкция по уходу	85
Из цикла «Охота за древом»	87
Обрывок еврейского венка	88
Дед.doc	91
Стихи, не вошедшие в два изданных сборника	104
«Судьба порой сплетала тугу...»	104
Прощанье с кармой	106
Сыну-2	108
«Наш любимый юбиляр...»	111
Сонет джаза	113
Ностальгический сонет	115
«Люблю картошку больше макарон...»	116
Жизнь	117
«Ты к слову относишься плево...»	118
Подражание Дикинсон (303)	120
Ответ	122

Стишки для детей	124
Что с утра ест белый аист?	124
Если курица не птица	125
Гиппопотам	127
Белый аист-альтруист	128
Совиный разговор	130
Крокодиловы слезы	133
Кстати о птичках	135
Переводы	138
Переводы с испанского	138
Un soneto	138
Сонет	139
Filosofia	140
Философия	140
Сонеты из цикла	142
«Me tiraste un limón, y tan amargo (4)...»	142
«Ты бросила мне горький плод лимона (4)	143
...»	
«Tengo estos huesos hechos a las penas (10)	144
...»	
«Для злых сомнений создан мой висок (10)	145
...»	
«El toro sabe al fin de la corrida (17)...»	145
«Когда коррида проревет к финалу (17)...»	146
«No me conformo, no: me desespero (20)...»	147
«Я не смирен, о нет! Я изойду (20)...»	148

Переводы с английского	149
The Raven	149
Ворон	150
The Glove and the Lions	160
Перчатка и львы	162
Tommy	163
Томми	165
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Охота за деревом

Стихи и переводы

Александр Милитарев

*Любимой тетушке Зайке,
заставившей меня собрать
и опубликовать эту книгу*

© Александр Милитарев, 2017

ISBN 978-5-4490-1445-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С сыном в доме Эдгара По в Бронксе

Об авторе

Александр Юрьевич Милитарев (род. в 1943 г.) – лингвист-компаративист, представитель Московской школы дальнего языкового родства, ученик и соавтор И.М.Дьяконова и С.А.Старостина, один из авторов этимологического словаря семитских языков, автор нескольких книг, ряда популярных и полутора сотен научных статей по языкам и культурам Ближнего Востока, Северной Африки и Канарских островов, по применению лингвистических методов в реконструкции этнокультурной истории, разработке единого генеалогического древа языков мира, библеистике, еврейскому феномену в истории. Доктор филологических наук, профессор-консультант кафедры истории и филологии Древнего Востока Института восточных культур и античности РГГУ, многолетний участник российско-американского проекта «Эволюция человеческих языков» в Институте Санта Фе (Нью-Мексико). Читал лекции во многих университетах Европы, США и Израиля. Переводчик поэзии с английского (в частности, сонетов Шекспира, опубликованных в *Литературных памятниках*. М., 2016) и испанского. Автор книг «Стихи и переводы» (*Наталис*, М., 2001) и «Homo tardus (Поздний человек)» (*Критерион*, М., 2009)¹.

¹ Подробности – в Википедии на *Александр Юрьевич Милитарёв* и Wikipedia на *Alexander Militarev*.

Краткое авторское предисловие

Я давно вышел из того – признаюсь, затянувшегося – возраста, когда сильна иллюзия своими руками и головой заметно изменить к лучшему мир (страну, город, отношения между людьми, et cetera) или, скажем, внести нетленный вклад в науку (культуру, литературу, открытие иноязычной поэзии и т.п.). Omnia transeunt... Предлежащий сборник я составил из груды опубликованных, неопубликованных и начерканных на подвернувшихся поверхностях стихов и переводов почти за шестьдесят лет из своей неожиданно долгой жизни с главной целью: когда сын-подросток и юная внучка, а то и их – мое – потомство войдут в возраст пробуждающегося интереса к своим предкам, к своему *древу*, для них будет открыта возможность путем заглядывания в эту книгу что-то, не лежащее на поверхности, про данного предка узнать, а, может, и понять. Поэтому, кроме кондиционных стихов и переводов, я и напихал сюда все накопившееся – от юбилейных посвящений и юношеских стишков до вольных переводов и откликов коллег и друзей. Если что-то из написанного покажется еще кому-то интересным, хорошо. Но для меня это не особо важно.

Автор благодарен за дружескую помощь Елене Бернштейн (в форматировании книги) и Марине Готсбан, Ирине

Лившиц и Савве Митуричу (дизайн и оформление обложки).

«Открытие требует отрыться...»

*Открытие требует отрыться,
а память вкрадчива как крот.
Уже назначен час отплытья,
уже не время для острот,
уже отринуты советы,
придушен стропами багаж:
словарь, будильник, пистолеты
и пара ношенных гамаш,
галет сундук, воды канистра
да спирт, начало всех начал,
и надо, не прощаясь, быстро
войти на брошенный причал,
отдать концы, смотать швартовы,
поднять под днищем якоря,
чтоб вдруг понять, что все готово
и про отбой мечталось зря,
что брошен лот и нет возврата,
и продолженью не бывать,
а если брат пошел на брата,
здесь просто не с кем воевать.
Так, значит, надо отправляться
в совсем неведомый маршрут
и ничему не удивляться —
там будет все не так, как тут.*

*Так, значит, в путь! А птицу-веру
в то, что вернуться суждено,
под птичье слово утром серым
по сквозняку пустить в окно.*

(1960—2002, Москва)

Из книги «Стихи и переводы»

Сонеты

«За все, чем жил, чем жив, благодарю...»

1.

За все, чем жил, чем жив, благодарю:
за кров и кровь, за притчу и за пищу,
за пирров пир, за крезов короб нищий,
за власть и казнь, приставшие царю.

Твоих даров уже не раздарю,
не разорю спаленного жилища —
под черным перегноем пепелища
пушу росток и лягу ждать зарю.

Но клонятся календы к ноябрю —
негодный срок для сева и для тризны:
голодная, неплодная страда.

И белыми губами говорю
слова любви, ни слова укоризны:
не даждь зерну умереть без плода.

(1983)

«Не научились даже умирать ...»

4.

Не научились даже умирать —
отбыв свое, откланяться прилично.
Уходит жизнь. Как зло. Как непривычно.
Как тать в ночи. Как тать в ночи. Как тать.

А думали, что рождены летать!
Что куплены баландой чечевичной
свобода и ангажемент столичный.
Но сорок – срок. Не век его мотать.

И предкам нашим проданным под стать,
в судьбу не веря и беды не чуя,
живем, покуда чуть не на виду

напитанную вермутом звезду²
трубой воззвав, невидимая рать
последнюю готовит аллилуйю.

(май 1986)

² Русск. *вермут* заимствовано из немецкого *Wermut*, которое, как и украинское *чорнобиль* (русское *чернобыльник*), значит «полынь горькая» – очевидная ассоциация чернобыльской катастрофы с апокалиптической «Звездой Полыню» (Откр. 8:10).

«Не меден как грошик и щит ...»

5.

Не меден как грошик и щит —
сентябрь невозможно серебрян.
Варьянтов набор не перебран,
оркестрик аллегро бренчит.

А кровь еще в меру горчит,
По-царски питая церебрум,
и кожа неломаным ребрам
еще из надежных защит.

Отмерено было сполна
мне нежности женской и детской,
беседы мужской и труда,

но чаша пита не до дна
египетской, царской, стрелецкой,
и благо не ведать — когда.

(сентябрь 1986)

«Песок застлал руины Йерихона...»

7.

Песок застлал руины Йерихона.
Я быть устал. Страна моя пуста —
потоптана конями фараона,
по горло морем красным залита.

С обломков стен глядят как бы с холста
глаза родных на своего Харона.
Последний бык горящего моста,
я ухожу, паромщик похоронный.

На западе – Сахары рыжий дым
и белые фантомы гор Хоггара.
Зачем меня, прожженным и седым,
и в этот раз выносишь из пожара?

Но вновь почти не различим ответ:
народ... песок морской... на склоне лет.

(1990)

«Прекрасной Франции холмы...»

8.

Илье Смирнову

Прекрасной Франции холмы
ломают линию долин,
и птиц грассирующий клин
в табличке неба – знак зимы.

Здесь пляшут белые дымы
над кровлей из карминных глин
и жизни ток неодолим,
но на Востоке смертны мы.

О, этот птичий говорок,
обычай местных недотрог
благоволить, скользя!

Водой бы влиться в водосток,
но за спиной горит Восток,
и не уйти нельзя.

(1992)

«Мне мало дня – переползти висячий...»

10.

Мне мало дня – переползти висячий
мост. Над провалом времени вися,
чье чрево поло, вижу: сзади вся
окрестность поросла травой удачи,

посохшей, ставшей сеном, сном. Тем паче
назад, где наспех, вкривь и вкось кося,
прошла красotka с бельмами, нельзя
коситься, как и вниз, в пролет – иначе

до ночи не дойти, и темнота,
раскачивая колыбель моста,
добьется реверсивного эффекта,

и переход *когда-то* — *никогда*
зальет по темя темная вода,
и в тень одну войдут никто и некто.

(1992)

Два сонета из венка

* * *

11.

Металличен аттический рок,
безразличен актер и теоним —
тот, кем бесов сомненья изгоним,
заготовленных автором впрок.

Третий акт доиграется в срок,
режиссер – знаменитый аноним.
Текст дожьемлим, героев схороним
и нашарим в штанах номерок.

Но на вечность закрыт гардероб,
альфа театра и жизни омега —
золотое сгинело руно.

Размозжить напоследок бы лоб,
да окутала ватная нега —
в чаше черепа сладко вино.

«В чаше черепа сладко вино...»

12.

В чаше черепа сладко вино.
Пей же, нежная, пей, Маргарита:
жребий брошен, срамное обрито
и смешное забыто давно.

Что недодано, будет дано,
где схоронено, будет разрыто,
а топтаться не нам у корыта:
чрево сыто и сердце полно.

Под юпитером всяк – королева,
но не здешних лесов наше древо,
так не бойся, не верь, не проси,

ты вещунья, невежда, невеста.
А конец, он един на Руси —
кол осинный в причинное место.

(1992)

«Вот я, Аврам. Я выйду ночью рано...»

13.

Вот я, Аврам. Я выйду ночью рано,
покуда Иштар³ светится во мгле.
Под тенью пальм сладка вода Харрана⁴,
но я – арам⁵, кочевник на земле.

Печать зари затрет твой путь, Инанна⁶:
он кругл и вечен и застыл во зле.
Но мед и млеко в реках Кенаана⁷
текут наверх как новый сок в стволе.

Мой дед Адам был выгнан из Эдема,
Терах⁸, отец, ушел из Ура⁹ сам.

³ *Иштар* – аккадское женское божество, отождествляемое с «утренней звездой» (планетой Венерой).

⁴ *Харран* – библейский топоним (см. Быт. 11:31; 12:4).

⁵ *арам* – арамей; Второзаконие (Втор. 26:5) ссылается на Авраама как на «арамеянина странствующего» или «кочующего».

⁶ *Инанна* – шумерское женское божество; соответствует аккадской *Иштар*.

⁷ *Кенаан* (древнееврейск.) – Ханаан.

⁸ *Терах* (древнееврейск.) – Фарра.

⁹ *Ур* (Ур Халдейский) – город в Месопотамии (см. Быт. 11:31).

Не вижу, кто меня позвал в дорогу.

Но это был не междуречный демон,
чей голос был бы слышен только там.
Тот зов шел от неведомого Бога.

(1998)

«Я – Израэль Израэль кудурру. Я не боролся с Богом...»

14.

Я – Израэль¹⁰. Я не боролся с Богом.
Писец-потомок из имен извлек
событий смысл, которых знать не мог
(он был поэтом и *этимологом*).

¹⁰ Имя *Израэль* (Израиль) объясняется в Библии как «борющийся с Богом» («отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом...» Быт. 32:28). Здесь типичный случай явления, которое я называю «этимопоэтикой» в отличие от «народной этимологии». Это характерный для древних семитов (и, по-видимому, для мифологического сознания вообще) и почти не исследованный способ создания текстов и образов, призванных объяснить значения слов, главным образом, имен собственных – особенно в тех случаях, когда эти имена заимствованы и потому малопонятны – через другие слова, случайно (для мифологического сознания ничто не «случайно») схожие по звучанию; древние авторы должны были осознать этот вид своего творчества как проникновение в тайны божественного слова. Подобные идеи были впервые сформулированы С.С.Майзелем в его неопубликованной работе «Семитская мифология в свете аллотезы и метатезы». По этому принципу строится целый ряд библейских сюжетов и даже целых концепций и некоторые мифические образы других древних культур, например, шумеро-аккадское название созвездия «Рыба-коза» (или «Козлорыб»), соответствующее Козерогу, и изображение козы с рыбьим хвостом на месопотамских межевых камнях *кудурру*; аккадский бог Эа, «податель жизни», извергающий на своих изображениях потоки воды; греческий крылатый конь Пегас и др.

Я ночь как пес провел перед порогом
взбесившейся речушки Явóк.
Я – Яакóв¹¹, что значит «Бог сберег».
Тот был силач, но я уперся рогом.

Он не хотел пускать меня туда,
где мой народ, кому я имя дал,
таился за рекой и смерти ждал,
как после, как в Исходе, как всегда.

Сил Сильного хватило до утра.
И вброд я вышел – с вывихом бедра.

(1999)

¹¹ *Яакóв* (древнееврейск.) – Иаков, Яков. Наиболее вероятная научная этимология обоих имен Иакова-Израиля – «Бог защитил» (или «да защитит Бог»); сходное строение имеют многие семитские имена собственные.

«век бродячей собаки недолог...»

16.

век бродячей собаки недолог
дать ответ не успеть на семь бед
докажи им немой что не волк
выблудой хищник кровавый навет

за кормежку за вывод на свет
благодарствуй великий кинолог
только руку лизать нам не след
дом он пахнет иначе чем долг

а что суки щенятся в краю
где так много бездомного зверя
что задешево здешнее мыло

так за это в собачьем раю
где у дома не заперты двери
нам ведь скажут зачем это было

(январь 1998 – январь 1999)

Из цикла «Одиссея»

«Последние метры в проливе сирен...»

Последние метры в проливе сирен,
последней агонии стон,
и если канат
не удержит колен,
я буду на дне погребен.
Глухая команда пьяна без вина,
и семеро виснут на мне,
об мачтовый кедр разбита спина,
а голос поет в тишине.
А голос про хаос извечный поет,
про то, как седой океан
в объятиях душит лазоревый свод,
безбрежен, безумен и пьян.
И водную бездну вздымая до звезд,
ревет он, вселенский Силен,
и рушится навзничь,
невинен и прост,
и дремлет под пенье сирен.
Хвостатые девки не краше, чем псы,
и мне ль их пугаться рулад?
Но хаос, но хаос,

гармонии сын,
я раб твой,
я враг твой
и брат.

И зов этот бешен,
и вечен наш бой
как вечны свобода и плен!
Завяз я навеки
во мзге голубой,
в проклятом
проливе
сирен.

(1990)

«Гони женихов, Пенелопа!..»

Гони женихов, Пенелопа!
Скажи им, что ты не одна,
что будет для буйного скопа
последнею эта война.

Рукою, привычною к стилю,
рулю и тугой тетиве,
легко я их, нежных, осилю
ослабших от страсти к тебе.

Мне тошно, что меч обагрится —
самим бы умерить им прыть,
мне жаль, что покроют их лица,
что мне своего не открыть.

Грози им копьем Телемаха —
игрушечным детским копьем:
стрелу, долгожданную сваху,
мы пустим с мальчонкой вдвоем.

Я встану за белой колонной,
мне лук Одиссеев – трава.
Не слушай, царица, их стоны,
ведь смерть не бывает права.

Я знаю, что некуда деться,
что мезтью питаеца четь!
Но разве не трогали сердце
их грубые шутки и лесть?

И совесть не жгли ли, царица,
угрюмые взоры раба?
Ну что ж, им воздастся сторицей,
а бабья природа слаба...

Так стоит ли плакать: за что же
то пламя безжалостный рок
на вдовьем соломенном ложе
моею рукою разжег?

Не ведома ль гордой царице
натуры над разумом власть?
Так лучше огню покориться,
чем жертвою оводов пасть.

Поправь же, хозяйка, доспехи
под рваной рубахой раба:
уж скоро начало потехи
протрубит царева труба.

Ворота спиною закрою
и лук напругу до конца,
и потом смертельного боя
пахнет по покоям дворца.

Пусть залы заляпаны кровью,
прорублены шлем и броня,
не лучше ль заняться любовью?
Война утомляет меня.

К рассвету дворец опустеет
от шумных докучных гостей.
Но слушай... на ложе Цирцеи
проснулся твой муж, Одиссей.

(1989)

Разное

«Помнишь...»

Помнишь:

безумство сирени
в майский ворованный час,
пальцы твои и колени,
губы, свечение глаз.
Алые сполохи страсти
с мерным рефреном разлук,
трепетной цели во власти
тела натянутый лук.
Бледные зори прощаний,
поздних объятий беда,
горечь немых обещаний,
что никогда... никогда...
Слово – молчания проще,
слабый кивок головы,
судеб невидимый росчерк,
вписанный в темень травы.

(1989)

«Боинг курс спрямил на Канары...»

Боинг курс спрямил на Канары,
вмерз я в кресло, не мертв, не жив.
Все же я не такой уж старый —
не старее, чем Вечный Жид.

А когда небеса гуанчей¹²
этот облачный дым, *тигот*¹³,
был пронзен – но не мигом раньше! —
мне открылось скопление вод.

С вышины, меж спиралей пены,
над пучиной чужой судьбы
я следил Острова Блаженных¹⁴,
восстающие из синевы.

Тенерифе, *Ченерфе*, *Чинет*!¹⁵
Я две эры тебя искал,

¹² *гуанче* – самоназвание аборигенов Тенерифе, одного из островов Канарского архипелага; население Канар вплоть до 17 века говорило на канарских языках, родственных берберским языкам Северной Африки и Сахары.

¹³ *тигот* — на канарском диалекте острова Пальма «небо»; скорее всего, родственно берберскому *тавуит* «дым».

¹⁴ Древние греки называли Канарские острова Островами Блаженных.

¹⁵ *Ченерфе* и *Чинет* – варианты названия острова Тенерифе в гуанчском диалекте канарского.

среди задохшихся слов покинут
как среди твоих голых скал.
Все воронки твоих *барранко*¹⁶
зорким вороном разгляжу,
давней распри гадючью ранку
на груди твоей залижу.

Спят герои твои, сокрыты
в черных дырах годов и гор.
Что ж таить на меня обиды?
Я – печальный конкистадор.

И сейчас здесь иное племя¹⁷ —
золотая пора плодов!
Разве род их не зачат теми,
кто родился от ваших вдов?

¹⁶ *барранко* – по-испански «овраг». На Тенерифе так называются большие и глубокие овраги, в которых происходили основные сражения между испанскими колонизаторами и аборигенами, сопротивлявшимися завоеванию и насильственной христианизации в течение нескольких столетий.

¹⁷ По поразившему меня в 1993 г. выводу популяционных генетиков из Барселоны, современное население Канар практически не отличается от большинства населения Испании, т.е. не является преимущественно потомством мужчин-европейцев и туземных женщин. Если бы эти выводы подтвердились последующими исследованиями (они не подтвердились: по последним палеогенетическим данным, аборигены Канар родственны берберам – как и по языку, что я всегда и доказывал), это бы означало, что аборигенное население исчезло с островов, не оставив следа, а теперешнее население Канар – полностью пришлое.

Хоть не верю я в байки эти
об испанской Большой Резне,
только клялся мне попгенетик:
ваших генов в крови их нет.
Значит, всех унесла зараза¹⁸:
был к вам бог ваш, *Акоран*¹⁹, крут.
Врет про смысл богослов-пролаза,
и бездарен бытийный круг.

...Вот и скрылись снега Ла Тейде²⁰.
В кафкин китеж лечу – домой!
Мне б портвейну фугас
и к Фрейду:
залечил бы мне комплекс мой.

(1993, *Тенерифе—Мадрид—Москва*)

¹⁸ В последние десятилетия историки отходят от традиционной версии о тотальном геноциде, которому якобы подверглось со стороны испанцев коренное население Канар. Вероятной причиной предполагавшегося исчезновения аборигенов (которого, по последним данным генетики, вроде бы не было) или значительного сокращения их численности могла быть эпидемия или серия эпидемий какой-то болезни, занесенной на архипелаг, от которой у островитян, в отличие от колонизаторов, не было иммунитета.

¹⁹ *Акоран* – одно из имен божества, которому поклонялись жители островов Тенерифе и Гран Канария (на этих островах обнаруживаются следы монотеизма, возникшего, по-видимому, еще до появления европейцев).

²⁰ *Ла Тейде* – самый высокий горный пик Тенерифе и всего Канарского архипелага (3717 м).

«Невероятна Барселона...»

Невероятна Барселона,
ее красоты не забыть.
Жизнь, как цветок, растет из лона,
и тянет быть, а не не быть.

От моря тянется Ла Рамбла —
такой здесь на сердце уют!
Вы не поверите, но там для
народа птичек продают.

И их не гонят и не губят —
ни тварь летучую, ни вас.
Там люди спеть и выпить любят
под каталанский перепляс.

Там даже мусор не отвратный —
его Шанелью душат, что ль?
Но резко хочется обратно:
пожить — о да! А жить — уволь.

И эта дурь необъяснима —
всем Каталунья хороша...
А что же жизнь? — Проплыла мимо,
и плоть живучей, чем душа.

(1993)

Из книги «Homo tardus» («Поздний человек»)

«Поэту нищенство – венок...»

Памяти Осипа Эмилевича Мандельштама

Поэту нищенство – венок,
его словарь – сума да милость,
ему не так постыла стылость
земли под плоскостопьем ног.

И прободенный язвой бок,
и плоть, что над трубой дымилась —
все облачится в слог, как в милоть²¹,
но речь простую слышит Бог.

Остались: астма, чернь дорог,
червь в сердце, смерчи пересылок,
барак, утрата веры в рок,

ночь, пламя, босховские рыла,
расплевка с музой, бред, могила —

²¹ *ми́лость* (церк.-слав.) – выделанная овечья шкура (ср. 3 Цар. 19:19).

чтоб столь кристален был итог.

(1983)

«Я не пошел в Севилье на корриду...»

Сергею Старостину

Я не пошел в Севилье на корриду,
хоть мясо ем (и выпить не дурак;
был бит и сам не сторонился драк —
с годами, впрочем, забывал обиду).

Тореро, стой! не упускай из виду:
бык не партнер по зрелищу, а враг.
Смешно от смерти пятиться как рак
(а верить в рай — как сплавать в Атлантиду).

Но резать скот — не наше ремесло.
Да что нам надо? Нам немного надо:
успеть прожить, удерживая зверя.

А если что-то делаем назло,
прости, отец, покинутое чадо —
так трудно помнить о тебе, не веря.

(1998)

Из цикла «Филология»

Стихи о русской поэзии ушедшего века

*Поэтов русских высота,
полет – стены отвесней,
и тень погнутого креста
над лебединой песней.
(из юношеских стихов)*

Аське

Стихи – бесстыдное занятие
людей, стыдливых до забав,
кому неуместно скинуть платье
при всех, хоть в койке у шалав.

Ах, что судьба! Судьба – индейка,
рифмовок кармовая клеть.
А вот свобода-иудейка
в том, чтоб и стыд преодолеть.

Не со стыда ли брили пейсы
и оба Оси, и Борис?
(Ведь только с геном эритрейца
легко ходить на снежность риз.)

Чего уж говорить о дамах!
В слезах проходят, обе две:
ну как задрать подол до самых...,
как век стоять на голове?

Как доносить стихотворенье
под сердцем, черным от растрав?
Одной – петля, другой – старенье.
О, Боже правый, ты не прав.

Да, об эпохе, жизни, лямке
что говорить? Ну, не свезло.
А что никто не вышел в дамки,
так это было запаadlo.

Вон: агнцем по волчарне рыща,
звеньев опущенных кузнец,
поэтов царь, надменный нищий —
ведь доигрался, наконец.

Другой, запрятавшись беспечно
в природу, в переводы, в тень,
решил: мне жизнь – сестра навечно.
Что он скопил про черный день?

(Лишь самый младший был везучий —
бежал он, ободрив бока.
Но горше нет его созвучий,
и невольский лед его строка.)

А в след колес, из-под турусов
влетев, поспел ли, как в кино,
с тураевской шпаргалкой Брюсов
сыграть в кровавом казино?

И сквозь слезу не зрит ли око:
сокрытой камерой заснят,
над неподвижным ликом Блока
болотный венчик бесенят?

А председатель угорелый,
дерзнувший оструктурить бред?
А симулянт безумья белый?
От всех остался красный след.

А долговязый возмутитель?
Все до плеча, всё по плечу:
я — новой жизни возвеститель!
я рифмы бритвою точу!

А визави его кудрявый,
любимец муз, хлыстов и баб,
и *наше* всё догнавший славой?

Как все, он оказался слаб.

Вот если б из-под пули выжил
последний рыцарь, дивный враль,
когда б потомком не унижен
да пожил – вот кого бы в рай!

Но формула неотменима:
направо – потеряешь честь,
налево – ум, а прямо – мимо
судьбы, к стихам, что ни прочесть,
ни перевернуть не будет шанса
у интернетова писца
(и нобелевского венца
в дурном изводе иностранца
не схлопотать, а до конца
рядиться в тельник голодранца).

Поэтому легко поэту —
шпарь, не заботясь о судьбе!
у ней засолены ответы.
Но надо стыд убить в себе.

Мы алчем ласки муз? Не верьте:
мы озабочены лишь тем,
чтоб снять табу еще до смерти
с запретных рифм, с заветных тем.

(2002, Бердянск)

В файл «Альбом.doc»

«Я десять лет не понимая...»

Я десять лет не понимая
тлел не горел
я был слепой а ты немая
и вот прозрел

я думал он с годами высох
в душе тот след
и рифм на адрес хмурых лысых
не пишут нет

глаза мне застил мутный фокус
былых грехов
но катаракту съела окись
твоих стихов

и вот пишу по паутине
из-за морей
и размышляю о причине
зачем еврей

спешу вернуться в край любимый

мною не тобой
с его шальной невыносимой
родной судьбой

зачем ныряю в этот морок
сплав без плота
где жизнь ни в грош покой не дорог
все маета

зачем готов чем ближе к точке
жить за тире
когда весь банк давно на бочке
опять в игре

согреть в горсти и бросить кости
на новый кон
и вновь спешить домой как в гости
допить флакон

я возвращаюсь возвращаюсь
delete печаль
экран тускнеет тьма прощаюсь.
К утру встречай.

(2002, Санта Фе – Альбукерке)

«Твоим стихам, написанным не рано...»

Твоим стихам, написанным не рано,
пролившимся как солнце из тумана,
как кровь из вены,
твоим стихам, посеянным в молчаньи,
расцвеченным палитрой увяданья,
мазками тлена,
твоим стихам, бессильным как моление,
как заговор от боли и забвенья,
я знаю цену.

(2002)

БЫВШИЙ ЭКСПРОМТ

«Постмодернизм – дедок попсы...»

Постмодернизм – дедок попсы.
Он схож с искусством без обмана
как онанизм через трусы
схож с ночью страсти в пик романа.

Коль смысл смешон, а жизнь – копейка
и под луной всяк акт – не нов,
сподручней руки греть с ремейка,
не вынимая из штанов.

(2003)

«Поэтике мешает этика...»

Поэтике мешает этика,
а этике мешает жизнь.
Попробуй, поживи на свете-ка
и неподсудным окажись.

А здесь, где *rusica-sovetica*

в костер плеснет то кровь, то шизь,
как ни зверька, ни человека
не оттолкнуть, хоть размозжись?

Как *экзистню* до экзистенции
поднять, презрев и стыд, и быт,
когда по лавкам дети спят?

Так:
в убывающей каденции,
когда заранее убит,
встать – и копье метнуть в распад.

(2007)

«От постмодернистской оттяжки...»

*Вяч. Вс. Иванову – по прочтении его
брошюры «Наука о человеке. Введение
в современную антропологию»
(курс лекций). М., 2004*

От постмодернистской оттяжки
как бомж от кутюр далеки,
замшелы как наши замашки,
нечитаны наши стихи.

Нам срока отпущено мало —
его не хватает всегда,
и еле видна из подвала
мельчайшая наша звезда.

Порой нам смешна наша вера
в непознанный императив
и в то, что взойдет ноосфера,
вселенную смыслом снабдив.

Но бельма нацеля слепые
и цель без промашки разя,
куражится мать энтропия,
и брать отпускные нельзя.

Не считано, сколько осталось
в жидеющих наших рядах
и сколько придет – эту малость
восполнить в грядущих родах.

Завидуя релятивистам,
заведую только собой,
мы с тихим отчетливым свистом
ведем свой расчетливый бой,

рассчитанный на неудачу,
заложенный на неуспех.
А славы подкупим на сдачу
с бессмертья.
Там хватит на всех.

(2007, Москва—Бронкс)

Детям

*«Наденька, ветчинку, будь добра, сюда.
А хлеб – детям, детям!»
(из Ленинианы)*

Написана масса на свете
всего о страстях роковых,
но чувства, что будят в нас дети,
прочней и светлей половых.

Я не о подросших – о детях,
о малых, всамделишных, сих,
о тех, за кого мы в ответе
из-за беззащитности их.

Любой романтической дури,
любому оттенку страстей
дань отдана в литературе,
но мало в ней видно детей.

Самца соразмерного поиск
забот материнских первей.
Ложатся под дрянь и под поезд
дурехи всех стран и кровей.

Любовь, с феромона балдея,

делить норвят на двоих
(одна проявила Медея
заботу о детях своих).

Как доблесть воспетая ревность —
на деле сплошной эгоизм,
ползущий в дремучую древность
хвостатый такой атавизм.

Эмоций возвышенных маску
с той ревности снять — а под ней
уришь скопидомскую тряску
купца над кубышкой своей.

А эти — мессеры да доны,
кому что алтарь, что альков,
сей орден Святого Гормона,
что враз причаститься готов

всей дамскою плотью наличной.
А первым чтоб прыгнуть в кровать,
привычно и даже прилично
подельнику глотку порвать.

И ладно махалось когда бы
друг с дружкой это урло,
но Трою урыть из-за бабы?
А сколько народу легло!

Но светел иною любовью
кто ею живет или жил:
с детьми мы повязаны кровью,
что в жилах течет — не из жил.

Пленительно женское тело
(про душу молчу уже я),
и слиться с ним — милое дело,
а все же не смысл бытия.

Но данного тела приметы
у всех на слуху и виду —
ваганты, гриоты, поэты
в одну только дуют дуду.

Подчас и тончайшим из этих
жрецов Купидона и муз,
уж если и вспомнят о детях,
то лира изменит, то вкус.

В безмерном Шекспира наследстве
сюжета заметнее нет
о чуде природы, о детстве,
чем страсти с тринадцати лет.

За знание женской натуры
Толстому хвала и почет:
скок, Анна, под поезд! Амуры
закончились. Дети не в счет.

А есть ли манерней у Блока
стихи, где он смерть описал
ребенка в бесчувственных строках
про карлу, что вылез к часам?

И в средневековом искусстве
не сыщешь детей днем с огнем.
Там все о младенце Иисусе,
о детстве – так, значит, о нем.

В смущеньи смотрю я на эти
причуды великих людей —
как будто бы нету на свете
родительских чувств и детей.

Без них, обрастая коростой,
стать может культура сплошной
игрою жестокою взрослой
по правилам зоны блатной.

Но, может, у предков безличен
инстинкт этот был, как у рыб,
и был он к малькам безразличен,
наш вид, до недавней поры?

Условны морали основы,
и нечего душу томить,
и легче родить было новых,

чем этих, чумазных, отмыть.

Отсев шел в процентах, и снова
бах-трах! и рожали подряд.
Детей, вон, сменили Иову,
а он оклемался и рад!

Во время, наверное, оно
и мать что кукушка была!
Вон, та – на суде Соломона
ребенка другой отдала.

Детей, верно, меньше любили —
обратно количеству их.
...Но нет утешенья Рахили,
что плачет о детях своих...

(В наш век, правда, в обществе стала
забота о детях расти,
но это все – мир капитала:
с тем миром нам не по пути.

Особый наш путь. И родимых
сироток, приютскую голь,
мы ценим и не отдадим их
во вражьих объятий юдоль.

Осуждена нашим народом
и думой клеймлена навек

поганого Запада мода
на детушек наших калек.

Детей – наши фьючерсы – все мы,
встав в строй, не дадим отнимать!
Но я отклонился от темы,
чуть вспомнилась родина-мать).

Мир скроен не с детского сада,
и нюни к чему разводить?
Но лирою к детям бы надо
чувств добрых побольше будить.

Мне скажет сосед-культуролог:
«Ты эти кунштюки забудь!
Сам знаешь, извилист и долог
прогресса культурного путь.

У каждой науки свой метод,
и в область специальную лезть
с профанным подходом, как этот,
тебе, брат, не делает честь».

Напомнит про школы и стили,
про смену и связь парадигм
(ну, что-то и мы проходили,
хоть это давно позади).

Интертекстуальность отметит,

к большим отошлет именам.
«А смерть, там, любовь или дети,
так это, прости уж, не к нам.

И жизнью поверить культуру
нельзя – там другой алгоритм,
а тот, кто не верит в структуру,
пусть пламенем синим горит.

И дискурс твой контрпродуктивен,
пусть даже как творческий ход».
О Боже, зачем мне противен
родимый научный подход?

Когда ты на собственной шкуре
проверишь, что жизни – в обрез,
к вояжам, науке, культуре
слабеет былой интерес.

Любви разнополой терзанья
(с другой я, пардон, не знаком)
уходят – приходит сознание,
что главное в чем-то другом.

Становятся брачные узы
у многих с годами, увы,
привычкой, рутиной, обузой
и тянутся из головы.

И только одно остается —
смех детский и жалобный плач.
От них только сердце забьется,
а горечь былых неудач

и мелких удач эйфория
уйдут вместе с пеной страстей.
И жизнь удалась бы, умри я
без страха за судьбы детей.

(июль-август 2008, Бронкс)

Сонеты

«Есть в акте творчества три части...»

Моим любимым юным старикам – Зае и Б.Б.

Есть в акте творчества три части,
когда находит стих всерьез:
пролог – жжет душу мысль, вопрос,
страданья опыт или страсти.

Затем ты отдаешься власти
стихии языка. Вразнос
идет сознание: сон, гипноз,
невнятным таинствам причастье?

На третье – правка, ремесло,
безжалостных купюр рутина,
паренью духа столь презренна.

Без них зазубрено тесло,
чревата патиной картина
и все стихотворенье тленно.

(май 2008, Бронкс)

«Пьянят нас с детства миражи да глюки...»

Пьянят нас с детства миражи да глюки:
Культуры Храм, Искусства Божество,
художники – еродулы его²²,
поэты – его верные мамлюки²³!

Косится на природу мастерство,
под роды кобсят творческие муки.
Художник добр. Он не обидит мухи
(ну, разве малость брата своего).

Но к старости трезвенья скоплен опыт,
и лишние шумы слышны как шепот.

Возделывай, художник, тихо куст свой,
но не за счет живых, а вместо сна.
Жизнь подлинна. Искусственно искусство.
Поэзия, где твое место, знай.

(июнь 2008, Бронкс)

²² еродулы: *иеродула* (из греч.) – то же, что аккадское *кадишту* «посвященная» – титул храмовых проституток в древней Месопотамии.

²³ мамлюки, или мамелюки (из араб. «то, чем владеют, раб») – тюркоязычная гвардия, в частности, охранявшая монархов в средневековом Египте.

«Искусство – древнее занятие...»

Искусство – древнее занятие,
наследье волшб и фетишей.
Прозрачно, как его ни шей,
любой монаршей голи платье.

Работай, творческая братия!
А пить, детей лишать грошей,
дурить, себя лишать ушей —
не дар свободы, а проклятье.

И если человечьи жертвы
искусству приносить в ответ
за духа пир, успех, обет

во славе воскресить из мертвых,
то строим Молоху мы храм,
чтоб в нем кадил грядущий хам.

(август—сентябрь 2008, Бронкс)

Из цикла «Второе отцовство»

Сыну-1

Что сам живой – залог успеха,
и вывод сплелся непростой:
сын будет в старости утеха,
хоть раньше станет сиротой.

Пусть акт зачатья невозможен
как суперстохастичный акт,
сам факт рожденья непреложен —
с каталки вопиющий факт.

Но это ж – жребий! И не чаще
из бездны должен выпасть он,
чем стрел, из двух концов летящих,
стыковки действовать закон.

...Пока гудел от напряженья
мозг под реликтами волос,
мое прямое продолжение
из тоху-боху²⁴ в мир рвалось.

²⁴ *тоху-боху, тоху-ва-воху* (древнееврейск.) – в Синодальном переводе Быт.

Побудку ангелы трубили,
реанимацию будя.
Миг вечности часы пробили:
я в руки взял свое дитя.

К обетованных благ разбору
последним, как всегда, поспев,
в горящей шапке с меткой вора
я спел победный свой напев.

В ответ оркестр урезал «Славу»,
осанну взвыл отчизны хор
и синегнойную державу
простер над ямой дирижер.

И был колосс тот чуден видом
на постаменте гжельских ног.
Ревел он: «Счет вести обидам
не смей! Се – Родина, сынок!»

Неистребим, как псевдомонас²⁵,

1:2 «Земля же была *безвидна и пуста*» (во многих английских переводах *tohu* тоже необоснованно переводится как *formless*); семитская этимология обоих слов помогает найти более точный перевод – «Земля же была *пустынна и пуста*» (или *пустыней и пустотой*). Распространенная интерпретация *tohu-va-voxu* – пустота, «ничто», из которого Бог сотворил мир..

²⁵ *псевдомонас*: букв. «лже-единица», «псевдоединое» – греческое название бактерии *синегнойная палочка*, которой заражаются от земли раненые солдаты и которой в лучшей детской больнице Москвы заразили – в больничном, стойком

как рак и рок непобедим,
он ждал, чадолюбивый Кронос,
и был един. И сын – один.

Инфант лежал, а мы стояли,
по сути, каждый одинок.
Сын зрел впервой родные дали,
вдохнул я: родина, сынок.

Была погодка – Donnerwetter,
гуляли небо и земля,
и как оборванный катетер
моталась в такт судьбы петля.

Счет шел на вечность и на миги,
и таял прочности запас,
а жизни начатой вериги
легко менялись на отказ.

Но всю поэзию, культуру,
смысл и порядок мировой
я отдавал за фиоритуру
птенца с поникшей головой.

Тут Тот, Который не бывает
(да, в сущности, не может быть),
махнув рукой, из древних баек
вбежал, чтоб детям подсобить.

(март—июнь 2005, Москва—Нью-Йорк)

«Младенцы – отдельная раса...»

Младенцы – отдельная раса,
отдельней, чем негр и еврей.
В хрусталике детского глаза
прозрачны глубины морей.

Все таинство филогенеза
со скоростью света пройдя,
всех вер и наук антитеза,
восходит из бездны дитя.

И лобик нахмуренный морща,
взирает на дольний бедлам,
и учится, горько и молча,
делить бытие пополам.

И помня свой путь, изучает
ту странность, куда занесло,
и долго еще излучает
остывших галактик тепло.

(2007)

Тумбалалайка

Памяти Галича

Эта песнь в меня въелась с исхода
из Египта младенческих снов
то ли бабкиным шепотом – с года,
то ли копотью выжженных слов.

Там слова как в считалке на вылет,
как мычание – *тум-ба-ла-ла*.
В ком отчаянье не пересилит,
тем в посмертии честь и хвала.
Тумбала-тумбала-тум балалайка.

Это вам не жаргон, не наречье —
средневерхненемецкий язык!
Им за тысячелетье до печи
предок мой изъясняться привык.

Средний – гарью осел, стал последний,
верхний – дымом взошел в облака.
Причастилась им в сытной обедне
паства родственного языка.

Мне ж в наследство по праву рожденья
с той же кровью и в те же года

что досталось? Одно наваждение —
эту песенку слышать всегда.
Тумбала-тумбала-тум балалайка.

Словно в Треблинке, в ту пересменку
перед выходом в адский костер,
пел нам Лева ее Трактovenko²⁶,
погорелого театра актер.
Позже, в семидесятых, в начале
слушал я ее, оторопев:
в ней слова по-иному звучали,
но остались мотив и припев.

Александр Аркадьевич Галич
(я у ног его в кухне сидел)
ей катарсиса смертную горечь
в души лил наших скученных тел.

Ей теперь я баюкаю сына,
что по возрасту – в правнуки мне.
И зевнув, и вздохнув без причины,
он летит и взрослеет во сне.
Тумбала-тумбала-тум балалайка...

(2007)

²⁶ Актер бывшего Еврейского театра.

Сонеты

«Ни жив, ни мертв, играть не в ту игру...»

1.

Ни жив, ни мертв, играть не в ту игру
сажусь за стол, виссоном крытый белым.
Борясь с собой, но не владея телом,
я душу на кон выставлю к утру.

Мел прожитого рукавом сотру
украдкою от неба, между делом,
и банк сорвав в азарте угорелом,
с рассветом не замечу, как умру.

Но я не грек, и ты, со лба мне рок
смахнув как мошку, наклонишься долу,
как в Пиете, возьмешь мой корпус ватный,

и слух отверзнув детскому глаголу,
души бессмертной мыльный пузырек,
поймав в горсти, вдохнешь в меня обратно.

(май 2008, Гриннелл, Айова)

«Ты сдул с меня позерства лепестки...»

2.

Ты сдул с меня позерства лепестки,
пыльцу желаний, венчик превосходства,
нектар иллюзий и с цветами сходство —
опивки нарциссической тоски.

Зато мой корень ты врастил в пески
повторного и жгучего отцовства,
меня настиг в пустыне поздний зов твой:
«Вот сын тебе – мой дар». Теперь руки

не убирай с младенческого лба.
Твоя рука крепка, моя слаба.
Сын смотрит сон. Прошла спокойно ночь,

ты дал нам силы слабость превозмочь.
И боли нет. Чиста его одежда.
И за окном рассвет. И есть надежда.

(2008, Москва—Бронкс—Гриннелл)

Больничный

3.

Мы научились сидя спать
урывком на случайном стуле.
Больничный наркотичен улей
днем. К ночи страх ползет опять.

Мы научились в рост стоять,
когда лежащих косят пули
отчаянья, в чьем ровном гуле
надежды труб не разобрать.

И неуклюж как бегемот
с жестикуляцией еврейской,
движений четкости армейской
я оценил скупой расчет.

Во мне бы умер санитар,
не будь, как Вечный Жид, я стар.

(май 2008, Бронкс)

«К надежде от отчаянья кругами...»

4.

К надежде от отчаянья кругами
мотает нас, считай, четвертый год.
Цезуры, переходы есть. Нет нот,
не выученных в этой полной гамме.

Я рассчитался с прошлыми долгами
с процентами и возвращением льгот,
но как в басах мне распознать фагот,
расслышать тему в этом грозном гаме?

И голосом, и слухом обделен,
любовью слаб и верою обижен,
веду, пробитых трюмов капитан,

вцепившись в руль, одолевая сон,
четвертый год в открытый океан
титаник свой, надежды бризом движим.

(май 2008, Бронкс)

«В статистике племен и наций...»

5.

В статистике племен и наций
такой напасти удостоен
лишь сын мой. Путь его устроен
так. Не случайно, может статься.

Стерпев с десятков операций,
он весь заштопан от пробоин.
Рубакам мятежей и войн
слабо с трехлетним им тягаться.

Смешлив, смышлен не по годам,
он ласков, духом бодр, упрям.

И только ведома Творцу
в земном сценарии великом
роль, что доверил он мальцу
с терпеньем ангельским и ликом.

(май 2008, Бронкс)

«Мне с юности казался странным...»

6.

Мне с юности казался странным
за муки все возврат Иову
его потомства, но *другого*
в придачу к козам и баранам.

И златоустым Иоанном
не удостоены ни слова
обмен обносков на обновы,
размены в стаде безымянном.

Я в суперпахана не верю.
Кто в кровь учил меня морали?
Нет, чем любовь, прицельней цели.

Писцы там что-то переврали.
Оплакать легче мне потерю
Тебя, чем смерть теодицеи.

(май 2008, Бронкс)

Автобиография

7.

Был вундеркиндом. В юности балбесом.
Стал поздно – в тридцать – грызть наук гранит.
Без денег, без чинов, без заграниц
трубил до перестройки мэнээсом.

Прирос под старость публикаций весом
в четыре с чем-то тысячи страниц.
Стал в чем-то первым (пусть сочтет хронист,
я расплевался с этим интересом).

Дочь, внучка чудные есть. В позднем браке сына
родил. Он болен. Держат медицина
да Бог – путем лекарств и операций.

Прошел с ним первыми кругами ада.
Надежда есть. Мне ничего не надо,
как только к тельцу теплому прижаться.

(июнь 2008, Бронкс)

«Посмев избрать его дебют...»

8.

*О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют.
Что строчки с кровью убивают...
Б.Л.Пастернак*

Посмев избрать его дебют,
поверил я, что так бывает:
поэта строчки убивают.
Да эндшпиль оказался крут.

Себя любить – сизифов труд:
с годами *ego* убывает.
Когда дитя заболевает,
заботы лишнее сотрут.

Но выучен урок под старость:
когда одна любовь осталась
с надеждой, то бывает так,

что в мусорный спускаешь бак
и нобелевских премий малость,
и творческой судьбы пустяк.

(июнь 2008, Бронкс)

«Мы прорываемся с боями...»

9.

Мы прорываемся с боями.
Цель – выйти без больших потерь.
Какою тактикой ни мерь,
она за дальними морями.

Стрельба стихает временами,
но этой тишине не верь:
мы на войне – здесь и теперь,
в крови и дырах наше знамя.

Наш командир хоть мал, да смел.
Он с честью побывать успел
в сражениях и передрягах,
достойных описанья в сагах.

Растянут слишком – от Москвы до Бронкса
фронт. Если с нами Бог, то мы прорвемся.

(июнь 2008, Москва—Бронкс)

«Навалилась мертвая усталость...»

10.

Навалилась мертвая усталость
вроде ни с того и ни с сего,
и одно желание осталось —
спать, не быть, не помнить ничего.

Это «я» во мне такая малость —
чтоб заверить кровное родство.
Застрелись, к себе тупая жалость,
дезертирской сборки естество.

То ли вправду Бог вдохнул в нас душу,
то ли кантовский императив
в нас вселился прихотью мутаций,

только я умру, но не нарушу,
заповедь, что в списке опустив,
ты отдельно дал мне: не сдаваться.

(август 2008, Бронкс)

Разное

Воспитание морали

Четыре года – возраст самый
на все иметь особый взгляд:
Хороший тигр Шер-Хан, – упрямо
сын спорит. Я ворчу: он – гад.

Не знает сын такого слова,
и педагог я никакой,
но смысл поняв, кричит он снова:
Шакал Табаки – не плохой!

Ты что? – я возражаю слабо.
– Хорошая Баба-Яга!
– Ну да, куда там, прелесть баба:
и связь с народом, и нога.

Все-все хорошие, – твердит он, —
и волк, и Наг, и Бармалей!
Да ты, – я говорю, – пропитан
имморализмом, дуралей.

Усвоить, нам, большим, внимая,

мораль людскую должен он,
хотя в душе я понимаю
его божественный резон.

Но странно знать, что за страданье
судьба, усовестясь, дала
ребенку ангельское знание:
боль в мире есть, но нету зла.

(март 2009, Гарлем—Москва)

Инструкция по уходу

Одно лечение – не решение:
ему сопутствует уход,
и тут без перевоплощения
ты не выдержишься и год.

Когда выходишь на прямую,
из кожи нужно выйти вон,
глушить истерику немую
и страхов похоронный звон,

принять условие задачи:
расход – ничто, а все – приход.
Не милосердия, не отдачи —
вниманья требует уход.

Все видеть, слышать ритм дыханья,
пять чувств включенными держать
и волчьей ямы привыканья
ночными стражами бежать,

смотреть, чтоб шрамы зарастали,
как пьет, в сухое ли одет
(уходом правит бог деталей,
ты – лишь старательный адепт),

следить, чтоб не сошла повязка,
чтоб ел, чтоб спал, чтоб не потел,
но скажется скорее сказка,
чем сотня сделается дел.

Чтоб отдохнули мозг и руки,
для сверхчувствительных натур
стихи сгодятся и науки
в пятиминутный перекур.

А с рук, готовящих лекарство,
лезть может кожа, как с ужа,
чтоб смысла прошлых жизней барство
преображенная душа.

...Когда же тьма уступит свету
и камень с сердца сможешь снять,
ты сыну промолчи про это.
Не надо слишком много знать.

(январь 2009, Гарлем)

Из цикла «Охота за деревом»

Дочери

Плоть от плоти, душа от души,
одичалой оливы отросток:
вот и нажил свои барыши,
свой процент скопидомства и роста.

Всё, что сверх – все труды и стихи,
разговоры, разъезды, романы —
суета, колебанье стихий
и сыпание соли на раны.

Только этого в жизни хотел,
всё, что кроме, соломы горенье.
Лишь об этом – сплетение тел
и последнего вздоха прозренья.

(1990)

Обрывок еврейского венка

1.

Судьбы междуречья пологой
бежать, перейти через брод
и сделать крутой поворот
к горам: одоленье порога.

Придумать единого Бога
и с ним человеческий род,
в пророчествах знать наперед
чем плачена эта дорога.

Мутации зову ли внемя,
путем то прямым, то кривым
идти исправлять эту землю,

чтоб впрямь человечеством стало
племен разномастное стадо
и Бог оказался живым.

2.

И Бог оказался живым?
Не знаю. Для скептика вера —
соблазн, несвобода, химера,

костров инквизиции дым,

газ Треблинок, вышки Колым,
духовность спецслужб и премьера.

Прививка от этой холеры —
одним только верить своим

глазам и ушам. Вот наш опыт.
Нас в розницу вечно и в опт
в различные веры обуль

рвались их жрецы и мессии.
Ловились. Заказан тот путь.
Тем паче еврею в России.

3.

Тем паче еврею в России
на это ловиться не след.
Вон, тянется красный послед
от родов, где наших усилий

не счесть. Даже если бузили
юнцы — и погромам в ответ.
Но с памятью в тысячи лет
грех есть ли стыдней амнезии?

А в Бога — не зная — нелепо
не верить. Как веровать слепо.

Зря разум Творец дал нам, что ли
(иль Дарвин-старик нагадал)?
Но гидом я разум бы взял
в прогулках по минному полю.

(июнь 2008, Бронкс)

Дед.doc

*Неправильный (с неполучившимся магистралом)
венки сонетов в подарок двум дочерям Соломона
Сергеевича Майзеля – Заиде Соломоновне Готсбан,
урожденной*

*Майзель, и Марии Яковлевой и в память
старшей – Елены Соломоновны Милитаревой,
урожденной Майзель, моей мамы*

1.

Дед умер в пятьдесят втором – за год,
не отгуляв поминок по дракону.
Он был блестящий лектор и ученый
и редкого размаха полиглот.

Днем – три работы. Ночи напролет
сидел, в свою науку погруженный.
Ровесник века, тезка Соломона,
он не был мудр. Инфаркт прервал полет

идей, прозрений. Всем казался он
живым, веселым, легким человеком,
не обращенным людоедским веком

во тварь дрожащую. Был от тюрьмы спасен
он Богом или картою случайной.

А для меня стал образцом и тайной.

2.

Дед для меня стал образцом и тайной.
В приемники я был назначен с детства
семьей. Был худшим для нее из бедствий
его уход, внезапный и летальный.
Последний труд его монументальный,
оборванный, достался мне в наследство,
а я и знать не знал, по малолетству,
что путь мой мечен в перспективе дальней.

Что ж, я издал, спустя тридцатилетие,
сей труд, снабдив вступлением пространным²⁷,
и это для семьи была победа
(жаль, бабки уже не было на свете).

Но я сейчас не про себя – про деда.
Он рос в местечке и в семействе странном.

3.

Он рос в местечке и в семействе странном:
отец – хасид, наполненный псалмами,
и ляйпцигский профессор дед по маме,

²⁷ С. С. Майзель *«Пути развития корневого фонда семитских языков»*. Ответственная редактура, составление, вступительная статья, дополнения, индекс слов и корней А.Ю.Милитарева. М., 1983.

умерший рано и с пустым карманом.

Шла дочкам, в Русслянд сосланным, приданным
культура Гаскалы²⁸. На лушне-маме²⁹
общаться в лавке и кой-как с мужьями
они могли, но как на иностранном.

Такая жизнь казалась горше плена,
и счета с ней красавица Елена
свела, как отстрадала третьи роды,
и с мачехою стали жить сироты.

Дед послан был учиться в ешиботе³⁰,
но мамин – Гейне был язык и Гете.

4.

А мамин Гейне был язык и Гете.
И быв отцом за вольнодумство порот,
пройдя бар-мицву³¹, он подался в город

²⁸ *Гаскала* (еврейск. *ха-скала'* «просвещение») – движение, возникшее в конце 18 в. в интеллектуальной среде европейского, прежде всего германского, еврейства и стремившееся к интеграции в европейское образование, науку и культуру.

²⁹ *Мама-луин* – родной («мамин») язык немецких и восточноевропейских евреев, т.е. идиш.

³⁰ *Ешибот* (еврейск. *йешива*, множ. число *йешивот* «сидение, заседание») – высшее еврейское религиозное учебное заведение.

³¹ *Бар-мицва* (*бар* – арамейск. «сын», *мицва* – еврейск. «заповедь») –

от сна патриархального и гнета.

В гимназии был опыт ешибота
полезен. Дед-филолог был бы горд:
для внука грызть гранит науки – спорт,
а языки давались просто с лету.

На испытаньях на вопрос «Кто вас
готовил к нам из профессуры местной?»
ответив «сам», услышал «неуместна
здесь ложь», но в пятый был зачислен класс.

И так барьер процентный одолев,
у теток жил, двух прогрессивных дев.

5.

Из тетушек, двух прогрессивных дев,
одна потом в Америке училась
и там, туземцам в радость, отличилась,
помочь создать компартию успев.

Еврейскую утопию воспев
для негров, видя, что погорячилась,
в свой рай, в свой край родимый воротилась
как раз к тридцать седьмому – но не *сев*,

и тихо умерла в своей постели
(спас от судьбы, видать, еврейский Бог,
хоть выбить дурь марксистскую не смог).

Уже прозревший, сдерживался еле
дед в спорах с ней. Она в ответ кричала,
но – чистая душа – не наступала³².

6.

Да, чистая душа, не наступала.
Идем назад: германская война,
пятнадцатый... А деду горя мало:
трактат он пишет «Солнце и луна»

про гений и талант. Но вскоре на
гражданскую уходит. Идеалы

³² Уже после публикации этих сонетов выяснилось, что, доверившись своей детской памяти, плохо усвоившей разговоры и рассказы взрослых, я все перепутал и образ этой тетки С. С. Майзеля искажил. Исправляю эту непростительную ошибку: Елизавета Захаровна Майзель попала в Америку через Владивосток вместе с частями Чехословацкого корпуса (в котором она, по-видимому, работала сестрой милосердия). Там она вступила в МОПР (Международная организация помощи революционерам), но ни в каком создании Компартии США не участвовала. Вернувшись в СССР в 1934 г., она от своих коммунистических идеалов полностью отошла и вполне разделяла взгляды С.С.Майзеля (спорила с ним с коммунистических позиций как раз другая его тетка – Белла Захаровна). Она была высокообразованным человеком, страстным меломаном (будучи в Штатах, переписывалась с Леопольдом Стоковским) и немало способствовала интеллектуальному воспитанию дочерей своего племянника – Елены и Зайды. Умерла в 1942 г. в эвакуации в Томске.

еврейского понятны пацана
(минус тринадцать зрение не мешало).

В седле стяжал он конармейских лавров,
словарь испанский зачитав до дыр.
Гласит апокриф – рявкнул командир

(а, может, это был и сам Котовский):
«Хай скачет в университет московский,
а тут не треба нам таких кентавров».

7.

Не надо было им таких кентавров,
и, посланный в Москву с депешей срочной,
дед поступил на факультет восточный,
с испанцев плавно перейдя на мавров.

Застал науки русской динозавров,
еще взял экономику заочно.
А Власть Советов расцвела, побочно
полнаселенья обратив в кадавров.

Арабского уроки и Корана
блестящие Атая и Баранов
вели. Да плюс персидский и турецкий,

да плюс еще досдал на дипломата.
...На власть имелось много компромата,

но дед пока был человек советский.

8.

В двадцатые дед – человек советский:
страдает как экономист марксизмом,
а как лингвист переболел марризмом
(маразмом, множенным на лепет детский).

Хоть в партии, чураясь церкви светской,
не состоял, спецом был ею признан
и то в Иран, то в Турцию был призван
спецкором ТАСС и как толмач³³ торгпредский.

И раз в тридцать восьмом, в исходе года
(посольство все почти уже *сидело*)
ему приказ в Союз был возвращаться.

В Одессу-маму бабка полетела,
чтобы успеть к приходу парохода
с вдовой своей дать взглядом попрощаться.

9.

С женой в приезд тот не пришлось прощаться:
судьба до смерти от беды хранила
(одной рукой, другой – похоронила

³³ Толмач – переводчик.

иллюзиями радость обольщаться).

До этого был случай: домочадцы
все были с ним в Стамбуле. Можно было
(и нужно – все за это говорило)
забрать семью, бежать, не возвращаться.

Большой словарь турецкий³⁴ завершен,
он в мире признан как авторитет
по Ближнему Востоку и ученый,

к тому же на работу приглашен
в американский университет.
Он взвесил все. И в пасть полез к дракону.

10.

Он взвесил все – и в пасть полез к дракону.
Зачем? Страх на родню, друзей беду
навлечь? (Не знал он, что не по суду
метут – по разнарядке, без резона.)
Любовь к России странная? Озона
нехватка за границей? Не найду
за давностью ответа – и ввиду
того, что рассуждать теперь легко нам

³⁴ Русско-турецкий фразеологический словарь – уникальный свод турецкой лексики 20-30-х гг. объемом с четырехтомный словарь русского языка Ушакова, получивший восторженные отзывы ведущих тюркологов; мне так и не удалось его опубликовать.

логически. Но прошлого не зли:
оно в ответ на сладострастный зуд
вершить над ним наш беспристрастный суд

сожмет в объятьях и оставит с носом.
И буюсь я над загадочным вопросом:
как вышло, что его не *загребли*?

11.

Как вышло, что его не *загребли*?
Для власти ценным был специалистом?
Незаменим был? Не был коммунистом?
Но и таких без счета в гроб свели,

и раствориться в лагерной пыли
равно светило чистым и нечистым.
...Позором стукачам и особистам
в июне сорок первого пришли

в квартиру коммунальную родня,
друзья, соседи (дед им был за ребе),
и был опасней смерти разговорец.

Плохой прогноз, – сказал он, – у меня,
когда на нас фашистское отребье
идет, а тут проклятый правит горец.

12.

А тут пока проклятый правил горец,
купив победу по цене разгрома.
И ждали зря, что полегчает дома —
лишь горшая травила души горечь.
Но я про деда. Шла у нас про то речь,
как он не *сел*. Мне рассказал знакомый,
его коллега: секретарь парткома,
их Торквемада, псих-шпионоборец

(Бог шельму метит: некто Кебенёв)
сказал кому-то, кто не донесет —
и понеслось по институту слово:

«Что Майзель контрик, ясно и без слов,
но парень честный, х... с ним, пусть живет»
и — вычеркнул из списка рокового.

13.

В тот раз избегнув списка рокового,
он воевать по возрасту не мог
и в Куйбышев был послан — на Восток
вещать. Им было не найти другого —

ни уровня его языкового
ни чтоб и местных нравов был знаток.
Но этой передышки вышел срок:

в Иран он едет драгоманом³⁵ снова.

Война прошла. Он в Африку отправлен,
где будет четырех держав альянсом
колониям дан статус итальянским.

И к каждой делегации приставлен
справляться с языками целый цех.
В советской переводит он со всех.

14.

Он переводит с языков со всех,
Но ночь – его: он бродит, пишет вволю.
Он слышит речь, он в Африке, он в поле!
Он жив, не стар. И это ль не успех?
Обратно через Лондон. Без помех
сидеть в библиотеках: вот раздолье!
Здесь тратить час на ужин жаль до боли,
так на прием загнали как на грех.

А за столом Хью Гейтскелл³⁶ оказался.
Дед, пальцем ткнув, сказал, хвативши лишку:
«И я по маме Хацкель, вот как этот».

³⁵ Драгоман (из аккадск. *таргуманну*) – переводчик.

³⁶ Хью Гейтскелл (Hugh Gaitskell, 1906—1963), лидер Лейбористской партии Великобритании в 1955—1963, неудавшийся кандидат в премьер-министры Великобритании (англичане шутили про него: «Лучший премьер-министр, который у нас когда-либо не был»).

Вмиг древо принесли, и отыскался
российский след. Тут лорд вскричал «Братишка!
Ах, как я рад!». И дед сказал: «Forget it!³⁷».

15.

Лорд рад родству, а дед сказал: «Forget it!»
и рать сексотов³⁸ оглядел украдкой,
но был той швали, на халяву падкой,
вискарь родней, чем Ильича заветы³⁹.

В Стране Советов вновь в родимом гетто
вмиг схвачен века-волка мертвой хваткой,
амебной абиссинской лихорадкой
и творческой, он свой научный метод

к безмерному примерить материалу
спешит ночами, сердце надрывая.
В апреле, в пятьдесят втором, в трамвае
оно не выдержало, и его не стало.
Так пал в ничейной битве Ланцелот.

³⁷ Forget it – «забудь об этом», «выкинь из головы».

³⁸ Сексот – секретный сотрудник.

³⁹ Не исключено, что эпизод с «лордом Гейтскеллом», дошедший до меня как часть семейного фольклора со слов С. С. Майзеля, мог быть им и выдуман – он был мастером розыгрышей и анекдотических историй. Но родство, вроде бы, не выдуманно.

Драконий труп еще кривлялся – с год⁴⁰.

(октябрь 2008 – апрель 2009, Москва – Гарлем)

⁴⁰ *Биографическая справка:* Соломон Сергеевич Майзель родился 24 сентября 1900 г. в Лепеле. В 15 лет уехал в Екатеринославль, где, сдав экстерном экзамены, поступил в пятый класс гимназии, окончив ее в 1919 г. Конец 1919 и весь 1920 г. воевал в рядах Красной Армии, а в 1921 г. был демобилизован и направлен на учебу в Москву, где поступил на историко-филологический факультет Московского университета и одновременно в Институт востоковедения. С 1923 г. С. С. Майзель перешел в Институт востоковедения и в 1926 г. окончил его по дипломатическому и экономическому отделениям турецкого и арабского секторов ближневосточного факультета. По окончании института работал библиографом и одновременно преподавал математику, экономику и экономическую географию в разных учебных заведениях Москвы. В 1928 г. назначен драгоманом, а затем консультантом Торгпредства СССР в Турции, где параллельно составляет русско-турецкий фразеологический словарь. В 1932 г. направлен в качестве представителя Наркомвнешторга в Яффу, где получил золотую медаль от международного выставочного жюри за организацию павильона СССР. С 1932 г. чередует преподавание восточных языков в Институте востоковедения и Институте красной профессуры с командировками в Иран (1934—1936) и Турцию (1936—1938 гг.), где возглавляет одно время корреспондентский пункт ТАСС на Ближнем Востоке с центром в Анкаре. С 1940 г. по 1952 г. преподает турецкий, персидский и арабский языки в Высшей дипломатической школе, где заведует (с 1942 г.) кафедрой языков Ближнего и Среднего Востока. В 1941—1942 гг. командирован в Иран для работы в качестве переводчика посольства СССР, а в 1947—1948 гг. – в Северо-Восточную Африку в качестве секретаря (фактически – переводчика) советской делегации в Международной комиссии по бывшим итальянским колониям. В 1944 г. защитил кандидатскую диссертацию, а 7 апреля 1952 г., накануне закончив вчерне докторскую диссертацию, скоропостижно скончался на 52-м году жизни.

Стихи, не вошедшие в два изданных сборника

«Судьба порой сплетала туго...»

Осе Каплану на 65-летие

Судьба порой сплетала туго,
хотя и жаловаться грех,
зато на всю катушку друга
иметь – везенье не для всех.

Уже немного тех осталось,
с кем бабку помянуть и мать,
но наползающую старость
как дар нам легче принимать,

когда в кругу потомков милых
за тесным праздничным столом
есть с кем поднять, покуда в силах,
бокалы в память о былом.

А вдруг потрафит смерть-старуха
до возрастов библейских нам,

чтоб лет до ста внимало ухо
твоим мальчишеским стихам,

чтоб прочны были мирозданье,
где внуков и детей растим,
и дом, где не за мзду и званья
не видно стен из-за картин.

Так выпьем водки, коли пьется!
Печенка есть – душа легка.
А только здесь ли жизнь дается,
то нам неведомо
пока.

(21 декабря 2006 г., Москва)

Прощанье с кармой

*«Народ – биомасса истории»
(И.М.Дьяконов, в разговоре)*

*«И вы, мундиры голубые...»
(М.Ю.Лермонтов)*

Памяти Бродского

я расплатился с тобой под расчет за хлеб вино и ученье
за искусство любить (чет) и за науку забвенья
(нечет) в этой степи где гурт исходная единица меры
биомассы живого мяса поживы войны и холеры
ибо смерда жизнь как гондон одна разова и конечна
но в том бонтон что величина и величье державы вечны

прощай волок из варяг ладейных и урок былинных
в греки

чай путь долог с малин удельных к голубой царевой опеке
от благоверной царицы Феодоры бляди к Федорину горю
порционному горю христа ради на этом сиром просторе
в этой путине безрыбья бурлящей радостью рабьей
под вечной властью отребья в позе распятья крабьей
в этом волчьем урочье в этой топи горячей
в этой доле собачьей в этой юдоли сучьей
на этой вдовьей поляне политой спермой

пострелянных здесь по пьяни Великой Стервой
имя которой кощунственно мусолить в соплях патриоту
а пришлецу бесчувственному прокаркать легко до рвоты

съел у нас этот брак как поется лучшие годы
я тебе не друг и не враг бери половину свободы
как знаешь распорядись и оставайся с Богом,
только что не трудись платком махать за порогом
а я сактируюсь с зоны пойду по следам таежным
коридором зеленым пройду по твоим таможням
мне нечего в декларации предъявить чтоб качать права
и кочевой моей нации все это трын-трава
дети да воспоминанья неподотчетный скарб мой
это не расставанье это прощанье с кармой.

(май-август 2005, Бронкс-Москва)

Сыну-2

Если умру, ты меня забудешь
(я тоже не помнил, что было в пять),
с полгода «а папа?» спрашивать будешь,
чтобы на годы забыть опять.

Жена, с которою не сложилось
по моей одной, как всегда, вине,
не окажет мне последнюю милость —
сыну рассказывать обо мне.

Не подскажет с моей роднею общаться
(да что тебе в той московской родне?).
И только, быть может, лет в тринадцать
ты спросишь с опаскою обо мне.

Ну был – профессором и вроде поэтом,
был да сплыл в неясную синь...
Тебе ль, осиянному Новым Светом,
до древ, до евреев и до Россией?

Но в поиске робком простых ответов
на вопросы, скопившиеся за тридцать веков,
ты наткнешься средь старых книг на этот

невесомый томик моих стихов⁴¹

и увидишь древо, и услышишь голос,
настоянный на цикуте любви и боли,
и почувствуешь жажду, и испытаешь голод
по тому, что ушло, не вернется более.

И заплачешь как взрослый, и станешь молиться
по-детски кому-то, кто б вернул отца,
и это будет твоей бар-мицвой.
И будешь выслушан до конца.

Тут ты, собеседник мой приватный,
вдохнешь: «Наверное, я был неправ»
и руль времен крутанешь обратно,
меня с обочины подобрал.

И скажешь: «Как есмь я первопричина
всему – безглазая, погоди.
Ступай, сынок, воспитай мне сына,
у нас с тобою все впереди».

И вернешь меня в Гарлем, положишь рядом
с тельцем, что сразу прильнет ко мне.
И не узнать, что мировой порядок
ради нас поменялся в забытом сне.

⁴¹ Имелся в виду мой тоненький сборник «Homo tardus. Поздний человек» 2009 года.

(Гарлем, октябрь 2009)

«Наш любимый юбиляр...»

Б.М.Бернштейну на 90-летний юбилей

Наш любимый юбиляр
ни хрена еще не стар!
Избежав советских нар
и патриотичных свар
в солнечной Эстонии,
ты, тая в мозгу пожар,
выпускаешь легкий пар
(это тоже редкий дар),
слушая симфонии.
Если жить хотя бы до ста,
по пиндосовскому ГОСТу,
девяносто – это просто
шаг вперед и точка роста,
и дождемся чуда мы:
Боря наш подлечит глаз,
снова вспрыгнет на Парнас
и уже завалит нас
новыми талмудами.
Ты в искусстве свел концы:
сеют разный злак творцы
румб находят гении,
мы же, зрители – жнецы
да галерные гребцы.

Что же мы в забвении?

Вольной мысли паладин,
докопаться до глубин
не страшишься ты один,
зависть сея белую.

Ближний круг и дальний круг —
свет твой нужен всем вокруг
Долгой жизни, старший друг!
Жизнь с тебя я делаю.

(17 ноября 2014, North Salem)

Сонет джаза

В. К.

я был на джазовом концерте
за жизнь второй
случайный раз
мутили тихий омут черти
и в уши лез как в душу
джаз
хотите нет хотите верьте
трубач был асс
и лабух класс
и знали о любви и смерти
ударные и контрабас
мне кайф ловить досталось мало
на протяжение
бытия
но глупо начинать с начала
и туш все глуше слышу
я
фоно
ударит
по басам
но соло слажу
только сам

(июнь 2011, Гарлем)

Ностальгический сонет

Что ж, жизнь легко непредсказуема —
паранаучный парадокс.
Век от Орехова до Зуева
прет паровоз, транжиря кокс.

Ну как не поиграть в игру его?
Пока. Спасибо за урок-с.
Где эта остановка х... ва?
Все, откатались. Ну, и Бог с

ней. Может, что-то есть
за поворотом тем задымленным.
Прощаемся. Имею честь.

Все сходят. Легионы имя им.
Отбив свиное⁴², что осталось?
Одна ко всем слепая жалость.

(декабрь 2010, Гарлем)

⁴² Тут отсылка — для молодежи, нашего стариковского фольклора не знающей — на *хохлу* семидесятых: что такое «свиная отбивная»? Это морковная котлета, отбитая у свиней.

«Люблю картошку больше макарон...»

Люблю картошку больше макарон,
а, значит, пуще я дурак российский,
чем европейский трикстер. Поделом
мне здесь сидеть и печь топить дерьмом,
не мной произведенным, в мегафон
бурча кухонный: не такие сыски
да перлюстровки, да стальной закон
видали мы. Почтовый электрон
пока неиссякаем. И марксистский
монстр или сдох, иль спит мертвецким сном.
А эти все – народец явно склизкий,
но «вор милей» и хватит о дурном.
Поговорим о чем-нибудь смешном —
ну, например, какие ждут нас риски...

(1992, Москва)

Жизнь

Сначала медленно тянулась
и все хотелось поскорей.
Едва сознание проснулось,
я знал, что смертен и еврей.
И так хотелось жизни взрослой,
но мама чтоб не умерла,
а оказалось, все непросто,
когда взяла да понесла.
И так несется в рваном ритме,
пока не лопнет колесо,
и только сердце в такт стучит мне:
пока не все, пока не все...

(1983—2017)

«Ты к слову относишься плево...»

К Л.

Ты к слову относишься плево,
но я – филолог и еврей.
Почти что как дело мне слово:
в нем пушечный гром батарей
и летних громов канонада —
почти спецэффект и салют,
но землю ровняют снаряды
и молнии в дерево бьют.
Отсюда лесные пожары
и гибель людей и зверей.
Так поняли слово недаром
когда-то и грек, и еврей.
Отсюда и магия слова,
шаманская сила имен
и виденье слова – такого,
которым был мир сотворен.
А ты говоришь, что неважно:
слова – это только слова,
не больно совсем и не страшно,
когда их роняешь едва.
Пустого болтания биты,
не значащие значки.
И ходишь живой, как убитый,

от словом рожденной тоски.

(2012, Нью-Йорк)

Подражание Дикинсон (303)

Душа себе нафрендит шушеру
и трепачей,
и в интернет навалит мусору —
ведь он ничей.

В фейсбучной проходной обители
шумит салон,
и в закуте для вырезвителя
царит бонтон.

Хозяйкина благотворительность
на всех одна.
один я проявляю бдительность:
беги говна!

(2013, Нью-Йорк)

* * *

От камня по воде круги, растопит айсберг пламень спички. Но, милый друг, себе не лги, раз не умеешь с непривычки. Вольно ж тебе признать стихи за формулу различий духа, за дистрибуцией стихий следя вполглаза и вполуха. Ведь

и железная строка слаба для притяженья истин, а гравитация легка лишь там, где бег планет расчислен. Всем сестрам по серьгам раздай, наплюй на пол и свойства наций и радуйся, внеся раздрай в науку идентификаций. Забыть себя, побыть другим, чтоб ощутить родство в их шкуре и архетип принять, как гимн, стоймя в любой архитектуре.

А что же дух? Постой, постой, здесь только кожа, только кости... мы ненадолго, на постой, с одной пропиской на погосте.

(сентябрь 2013, Нью-Йорк)

Ответ

А я молчу, сжав зубы за стеной,
тебе в стекло дыша январской стужей,
и с репликой все той же, с той одной,
что сдавливает горло – и все туже.

Играем пьесу странную, как жизнь,
где все экспромт и драматург аноним.
Подмостки ходят, но актер держись,
пока мы молча монологи гоним.

Невысказанность – та, что рвется с губ,
гуляет эхом в темном полном зале,
а зритель хочет бис, поскольку глуп,
и жадно ждет катарсиса в финале.

Сюжет так прост: сошлись два гордеца —
лиса и журавель из детской сказки,
чтоб там, где у начала нет конца,
сорвать с лица наклеенные маски.

Покамест ждем, кто первым включит свет,
одним движеньем рук разгонит морок,
запасы тают отведенных лет,
и каждый день невосвратимо дорог.

(2013, Нью-Йорк)

Стишки для детей

Что с утра ест белый аист?

Вот в гнезде проснулся аист.
Что на завтрак он с утра ест?
Аппетита нет с утра —
ну, проглотит комара,
на затравку пару мошек,
на закуску трех рыбешек,
не забыть про червяка,
слопать майского жука,
чтобы не было икоты,
нужно выпить полболота
и заесть пяток лягушек
парой сотен жирных мушек,
пожевать ужа и мышь,
клюв почистить об камыш
и в воде удобней встать,
до обеда чтоб поспать.

Аппетита утром нет.
Аппетит придет в обед.

Если курица не птица

Если курица – не птица,
то не птица и синица,
и угод, и свиристель,
и пингвин, и коростель.

Если курица – не птица,
то не зверь тогда куница,
и ленивец, и енот,
и козел, и бегемот.

Если, этому поверя,
согласимся, что не звери
слон, пантера и жираф,
то получится, что прав
тот, кто рыбой не считает
рыб, которые летают.
Но и плавающих рыб
мы тогда вполне могли б
не считать за рыб: леща,
сельдь, и стерлядь, и ерша,
протипому, путассу
и другую рыбу всю.

И, наоборот, за рыбу
мы кита держать могли бы.

Но куда девать кита,
если рыба вся не та?

Если курица не птица,
то не рыба и плотвица,
барракуда, сом и язь,
и акула, и карась.

Значит, врет наука вся
про гуся и поросю:
от моржа до кабарги
пудрят в школе нам мозги!

Если курица – не птица
и совсем не зверь лисица,
и не рыба вовсе хек,
значит, я – не человек.

Получается тогда
ну такая ерунда,
ну такая чушь совсем,
что уже пора бы тем,
кто к народу лезет с тем,
что, мол, курица – не птица,
перед всеми извиниться.

Гиппопотам

Зверь большо-о-ой гиппопотам:
морда – тут, а попа – там!

Белый аист-альтруист

Я, признаюсь, удивляюсь:
ай да птица этот аист!
Словно белый снег он чист,
и притом – не эгоист.

Он гнездо большое вьет,
мелких птиц туда зовет⁴³:
трясогузки, воробьи,
прилетайте – все свои!

И синичкам, и скворцам —
всем найдется место там.
Мелюзге гнездо такое
словно царские покои.

Не в восторге аистиха:
не бывает дома тихо.
«Папа-аист, ты сдурел —
столько птиц в гнезде пригрел!

Как высиживать птенцов?
Может, высадим жильцов?

⁴³ Аисты строят большие гнезда (некоторые весят несколько сот килограмм).
В них часто вместе с аистами гнездятся мелкие птицы.

Превратил гнездо в притон —
хоть лети из дома вон...»

Длинным клювом улыбаясь,
отвечает папа-аист:
«Коллективное гнездовье
сохраняет нам здоровье.

Всем давая кров и дом,
мы природу бережем.
Сообща растить птенцов
веселей, в конце концов!»

Совиный разговор

Сыч, сипуха и сова
сели в круг играть в слова.

Говорит сова: «Сипуха,
прекрати сипеть мне в ухо!
Ясно всем как дважды два,
что сипуха – не сова.
Сколько я прошла лесов,
не встречала рыжих сов.
В форме сердца морда птичья —
вкус дурной до неприличья:
с мордой сердцем, без ушей —
как брелок из-под ключей!
А видали вы красу —
ухо чуть не на носу?
Без ушей нормальных сов
ты, как кошка без усов».

Та в ответ ей: «Ты, сова,
просто дурья голова!
В интернете посмотри:
всем ясна как трижды три,
и без всяких лишних слов
роль сипух в отряде сов.

Форма сердца для лица —
несравненная краса!
У ушей на птичьих лицах
вид — ну просто застрелиться.
А сиплю я, чтоб не ухать
(сов обидеть не хочу хоть)».

Сыч считает: «Ты, сова,
совершенно не права.
Вон сипуха как мудра —
Так бы слушал до утра».

Говорит сычу сипуха:
«Ни пера тебе, ни пуха!»

Сыч в ответ: «С чего бы вдруг?
Разве я тебе не друг?
То желать, что надо людям,
птицам, мать, давай не будем!
Пожелать такое птице —
можно, если разозлиться!
На меня уж ты не злись —
ведь почти как пень, я лыс...»

Говорит сова сычу:
«Про тебя уж я молчу.
Стыдно совам, дорогой,
быть такою мелюзгой.

Не почти – как пень, ты лыс!
А дурацкий этот свист?
По-болгарски *кукумяка*
ты не зря – сиди не вякай!
Будь на вы со мною, сыч,
и когтем в меня не тычь!»

Отвечает с сучьев сыч:
«Не порите, птицы, дичь.
Не собачьтесь снова, тетки,
мы ж не люди с вами все-таки!
Доведет до драки слово.
Поимейте совесть, совы!»

«Ух ты, – ухает сова, —
как умно! Спиши слова».⁴⁴

⁴⁴ Семейство *сипуховых* относится к *отряду совообразных*, в который входит и семейство *совиных* («настоящих» сов); одно ухо у сипух находится в области лба, другое – на уровне ноздрей. Сычи – мелкие совы, составляющие отдельный род в семействе совиных.

Крокодиловы слезы

Плачет бедный крокодил:
«Я ль не кроток, я ль не мил?
Если б мог я без кровей
корм клевать, как воробей,
как козел, траву жевать,
чтобы не переживать
тварей божьих пояденье
как моральное паденье!
Это что же за напасть —
что шевелится, все в пасть!
Разве я, ребята, рад
хрупать, хрюскать всех подряд,
жамкать, жвакать все живое?
Со стыда я волком вою!
Жалок мой удел и жуток —
управляет мной желудок!
Но такая, знать, судьба —
воля, видимо, слаба.
Если б можно было мне
оставаться в стороне
от проклятых челюстей,
я бы папы был святей!
Тварь любую нежно я
все лизал бы, не жуя.
Звали б все ягненком Нила

душку-крошку крокодила...

Взять страшилуг бегемота —
украшение болота:

вон, как хряк, разлегу там
«конь реки», гиппопотам!

Вот за что ему везенье —
лотос жрать без угрызенья?

почему его, урода,
добрым сделала природа?

Ладно, быдло бегемот...

А убивец-кашалот?

Сколько жизней загубил он
чемоданным этим рылом!

Сколько он за день-деньской
сводит фауны морской!

А как вспомнишь про акулу,
так до боли сводит скулы.

Сколько душ сожрет на круг!
Хрясть — и ноль душевных мук.

Столько хищников на свете —
я один за всех в ответе...»

Наползает на глаза
крокодилова слеза...

Пожалеешь: бедный зверь!

Но поверь мне — и не верь
крокодиловым слезам.

Подрастешь — поймешь все сам.

Кстати о птичках

Это – не ямб, не хорей и не дактиль.

Просто стишок.

Ящероптица звалась птеродактиль.

Вникни, дружок:

да́ктилос – палец, *птеро́н* значит птица
(если запишешь, потом пригодится).

Самая мелкая – как воробей:
ела букашек, клевала червей.

Крупную звать, как запомнить легко нам,
орнитохейрусом⁴⁵, птеранодобном⁴⁶,
арамбургийной и кецалькоатлем
(с Тецкатлипукой не путать – понятно?)

Тот и тот – два мексиканских божка,
и у обоих – страшила башка).

Эта – тварюга ужасного вида
(в народе известная как аждархид).

Саженой шесть, это метров тринадцать —
крыльев размах (не дай Бог повстречаться),
с длинной, противной такой головой.

Водилась в период она меловой,

⁴⁵ *орнитохейрус*, по-гречески «птичья рука» – самый крупный птерозавр планеты размером с маленький самолет (размах крыльев – 12 м.)

⁴⁶ *птеранодон* («крыло без зуба») – 8 м. в размахе крыльев, отличался беззубым клювом.

ну, еще в юрский встречалась, бывало.

Ее человечество позабывало.

Вру: не забыло – пока что его
не было в юрский и в меловой.

Эта, большая, в отличие от малой,
зубаста была и жрала что попало.

Ладно, неважно, что было в начале:
или забыли, или не встречали

(драконы из сказок-то схожи по виду
с этой заразой – пардон, аждархидой).

Важно другое: что куча ученых
верит, что птицы – потомки драконов,
т.е., простите, летающих ящеров!

Если бы это про хищников – ястребов,
грифов, орлов, сов и коршунов, но ведь
даже колибри – потомок чудовищ!

Вот, значит, как появились на свете
птицы! А что там про них в интернете?
(Надо искать и тебе научиться).

Кстати, нашел я, что главный по птицам
– только не смейтесь, ну что вы как дурочки? —
дядя один по фамилии Курочкин.

Но хорошо, что не Тецкатлипукин —
самое главное – имя в науке.

И, не в обиду серьезным ученым,
будем хихикать над тем, что смешно нам.

А чтоб узнать, что про рыб еще слышно,
будем искать на фамилию Фишман).

Там я узнал, что когда-то однажды

жил на земле динозавр двухэтажный —
четырёхкрылая ужась такая.

И, что ещё оказалось: в Китае
в ранней формации типа Исянь
тоже отрыли какую-то дрянь.

Это был переворот настоящий:
птица — не птица, и ящер — не ящер.

Звали его «микрораптор гуи»,
вызвал в науке он прямо бои.

И, что мне в голову не приходило:
птицы, похоже, родня крокодила,
и что не только ИЗ ЯЩЕРОВ птицы,
— В ЯЩЕРОВ птицы могли превратиться.

Встретились мне терезинозаврид,
и криптово́ланс, и троодонтид,
и псевдозу́хий, и авимимус.

Тут-то я понял, что крышею двинусь.
Тут-то я понял, что хватит с меня — и
лучше я мячик пойду погоняю.

Переводы

Переводы с испанского

*Luis de Gongora*⁴⁷ / *Луис де Гонгора (1561—1627)*

Un soneto

Mientras por competir con tu cabello,
oro bruñado, el sol relumbra en vano;
mientras con menosprecio en medio el llano
mira tu blanco frente el lilio bello;

mientras a cada labio, por cogello,
siguen más ojos que al clavel temprano,
y mientras triunfa con desdén lozano
del luciente marfil tu gentil cuello;

goza cuello, cabello, labio y frente,
antes que lo que fué en tu edad dorada
oro, lilio, clavel, cristal luciente,

⁴⁷ По изданию: Juan Chabas. Antología general de la literatura española (prosa y verso). La Habana, 1966. Стр. 242.

no sólo en plata o viola truncada
se vuelva, mas tú y ello juntamente
en tierra, en humo, en polvo, en sombra, en nada.

Luis de Gongora / Луис де Гонгора (1561—1627)

Сонет

Пока, с твоими локонами споря,
напрасно солнце золотом лучится,
и белизной чело твое кичится
пред лилией в сияющем уборе,

пока, твоим устам зовущим вторя,
гвоздика тщетно взор пленить стремится,
и с глубиной очей твоих сравниться
мечтало бы пристыженное море,

услладу уст, очей, ланит, кудрей
спеши испить из моря наслажденья,
пока на смену золотой поре

гвоздик и лилий не пришло забвенью
сухой фиалкой в тусклом серебре,
и ты не стала прахом, тленом, тенью...

Filosofia

Saluda al sol, araña, no seas rencorosa.
Da tus gracias a Dios, ¡oh sapo!, pues que eres.
El peludo cangrejo tiene espinas de rosa
y los moluscos reminiscencias de mujeres.

Saber ser lo que sois, enigmas siendo formas;
deja la responsabilidad a las Normas,
que a su vez la enviarán al Todopoderoso...
(Toca, grillo, a la luz de la luna, y dance el oso.)

Ruben Dario / *Рубен Дарио* (1867—1916)

Философия

Паук, восход приветствуй и вытри злые слезы,
за счастье жить, о жаба, восславь Творца щедроты!
Корявый краб шипами вполне достоин розы,
а в устрице осклизлой от женщины есть что-то.

Так будем тем, что есть, обиды не тая!

⁴⁸ По изданию: Ruben Dario. Poesias. Coleccion literatura latinoamericana. Casa de las Americas. La Habana, 1967. Стр. 92.

Непостижимое – лишь форма бытия.

Оставим труд разгадок природе и Творцу...

Трещи, цикада, под луной! пляши, медведь, в лесу!

**Сонеты из цикла
«Негасимая молния»/
«El rayo que no cesa»
Sonetos (1934—1935)
*Miguel Hernandez*⁴⁹ / *Мигель
Эрнандес (1910—1942)***

«Me tiraste un limón, y tan amargo (4)...»

Me tiraste un limón, y tan amargo (4),
Con una mano cálida, y tan pura,
Que no menoscabó su arquitectura
Y probó su amargura sin embargo.

Con el golpe amarillo, de un letargo
dulce pasó a una ansiosa calentura
mi sangre, que sintió la mordedura
de una punta de seno duro y largo.

Pero al mirarte y verte la sonrisa

⁴⁹ По изданию: Miguel Hernandez. Poesia. Biblioteca basica de literatura espanola. La Habana, 1964.

que te produjo el limonado hecho,
a mi voraz malicia tan ajena,

se me durmió la sangre en la camisa,
y se volvió el poroso y áureo pecho
una picuda y deslumbrante pena.

«Ты бросила мне горький плод лимона (4)...»

Ты бросила мне горький плод лимона (4)
рукой горячей и такой невинной,
что не задел был строй его глубинный
и горечь оказалась сохраненной.

Ожогом желтым из истомы сонной
исторгнутая, кровь моя лавиной
вскипела, отзываясь на осиный
кус овала плоти напряженной.

Но шалости своей ты улыбнулась,
и понял я твою игру простую,
столь чуждую моей, мужской и злой.

И под рубашку кровь, остыв, вернулась,
ужалив сердце в мякоть золотую

пронзительной слепящею иглой.

«Tengo estos huesos hechos a las penas (10)...»

Tengo estos huesos hechos a las penas (10)
y a las cavilaciones estas sienes:
pena que vas, cavilación que viene
como el mar de la playa a las arenas.

Como el mar de la playa a las arenas,
voy en este naufragio de vaivenes,
por una noche oscura de sartenes
redondas, pobres, tristes y morenas.

Nadie me salvará de este naufragio
si no es tu amor, la tabla que procuro,
si no es tu voz, el norte que pretendo.

Eludiendo por eso el mal presagio
de que ni en ti siquiera habré seguro,
voy entre pena y pena sonriendo.

«Для злых сомнений создан мой висок (10)...»

Для злых сомнений создан мой висок (10),
и стала боль для жил моих законом.
На боль сомненья набегают сонно,
как в час прилива волны на песок.

Как в час прилива волны на песок,
меня несет кругами монотонно
по сковородам ночи закопченным
вод этих темных неуклонный ток.

Мне не уйти от этой мглы зловещей —
лишь ты, любовь, лишь ты даешь мне силы,
лишь ты горишь последнею звездой.

И смехом заглушая голос вещий,
который шепчет, что и ты забыла,
вхожу в пролив меж горем и бедою.

«El toro sabe al fin de la corrida (17)...»

El toro sabe al fin de la corrida (17),

donde prueba su chorro repentino,
que el sabor de la muerte es el de un vino
que el equilibrio impide de la vida.

Respira corazones por la herida
desde un gigante corazón vecino,
y su vasto poder de piedra y pino
cesa debilitado en la caída.

Y como el toro tú, mi sangre astada,
que el cotidiano cáliz de la muerte,
edificado con un turbio acero,

vierte sobre mi lengua un gusto a espada
diluida en un vino espeso y fuerte
desde mi corazón donde me muero.

«Когда коррида проревет к финалу (17)...»

Когда коррида проревет к финалу (17)
и вена, вздувшись, лопнет как струна,
узнает бык: у смерти вкус вина,
которым жизнь, жалея, обделяла.

Фонтан сердец забьет из раны алой,

пучину сердца осушив до дна,
и накренится над песком сосна,
и глыба камня рухнет с пьедестала.

Ты, кровь моя, живучая как бык,
с утра наполнив кубок неизменный
тончайшего старинного литья,

саднящим вкусом стали под язык
сочишься влагой горькою и пенной
из сердца, где скопилась смерть моя.

«No me conformo, no: me desespero (20)...»

No me conformo, no: me desespero (20)
como si fuera un huracán de lava
en el presidio de una almendra esclava
o en el penal colgante de un jilguero.

Besarte fue besar un avispero
que me clava el tormento y me desclava
y cava un hoyo fúnebre y lo cava
dentro del corazón donde me muero.

No me conformo, no: ya es tanto y tanto
idolatrar la imagen de tu beso
y perseguir el curso de tu aroma.

Un enterrado vivo por el llanto,
una revolución dentro de un hueso,
un rayo soy sujeto a una redoma.

«Я не смирен, о нет! Я изойду (20)...»

Я не смирен, о нет! Я изойду (20)
лавиной жгучей лавы, что попала
в острог висячий вместо птахи малой,
быком взъяренным в конскую узду.

О, я припал к осиному гнезду
тех жадных губ, чье гибельное жало
сочило яд и сердце мукой сжало,
и в сердце сжался я и смерти жду.

Я не смирен – я обречен ползти
как пес по следу твоего дыхания,
молясь на идол поцелуя в страхе.

Я – бунт свирепый, вспыхнувший в кости.
Я – заживо закопанный в рыданье.
Я – молния в смирительной рубахе.

Переводы с английского

*Edgar Allan Poe*⁵⁰ / Эдгар Эллан По (1809—1849)

The Raven

Once upon a midnight dreary, while I pondered weak and weary,
Over many a quaint and curious volume of forgotten lore,
While I nodded, nearly napping, suddenly there came
a tapping,
As of some one gently rapping, rapping at my chamber door.
««Tis some visitor,» I muttered, «tapping at my chamber
door —

Only this, and nothing more.»

Ah, distinctly I remember it was in the bleak December,
And each separate dying ember wrought its ghost upon the
floor.
Eagerly I wished the morrow; – vainly I had sought to borrow
From my books surcease of sorrow – sorrow for the lost
Lenore —
For the rare and radiant maiden whom the angels name
Lenore —

Nameless here for evermore.

⁵⁰ По изданию: An Anthology of English and American Verse. М., 1972. Стр. 464.

And the silken, sad, uncertain rustling of each purple curtain
Thrilled me – filled me with fantastic terrors never felt
before;

So that now, to still the beating of my heart, I stood repeating
««Tis some visitor entreating entrance at my chamber
door —

Some late visitor entreating entrance at my chamber door; —
This it is and nothing more.»

Presently my soul grew stronger; hesitating then no longer,
«Sir,» said I, «or Madam, truly your forgiveness I implore;
But the fact is I was napping, and so gently you came rapping,
And so faintly you came tapping, tapping at my chamber
door,

That I scarce was sure I heard you» – here I opened wide the
door; —

Darkness there and nothing more.

Ворон

*Памяти мамы, сорок лет недоверчиво
и ревниво следившей за изменениями в переводе:
на листках с многочисленными вариантами – ее
карандашные пометы.*

Как-то ночью в полудреме я сидел в пустынном доме

над престранным изреченьем инкунабулы одной,
головой клонясь все ниже... Вдруг сквозь дрему – ближе,
ближе

то ли скрип в оконной нише, то ли скрежет за стеной.
«Кто, – пробормотал я, – бродит там в потемках
за стеной,

в этот поздний час ночной?»

Помню, в полночь это было: за окном декабрь унылый,
на ковре узор чертило углей тлеющих пятно.

Я не мог уснуть и в чтеньи от любви искал забвенья,
от тоски по той, чье имя света лунного полно,
по Лино, по той, чье имя в небесах наречено,
той, что нет давным-давно.

А шелков чуть слышный шорох, шепоток в багровых
шторах

обволакивал мне душу смутных страхов пеленой,
и глуша сердцебиенье, я решил без промедленья
дверь открыть в свои владенья тем, кто в поздний час
ночной

ищет крова и спасенья в этот поздний час ночной
от стихии ледяной.

Быстро подойдя к порогу, вслух сказал я: «Ради Бога,
сэр или мадам, простите – сам не знаю, что со мной!
Я давно оставлен всеми... вы пришли в такое время...
стука в дверь не ждал совсем я – слишком свыкся
с тишиной».

Так сказав, я дверь наружу распахнул – передо мной
мрак, один лишь мрак ночной.

Deep into that darkness peering, long I stood there
wondering, fearing,

Doubting, dreaming dreams no mortal ever dared to dream
before;

But the silence was unbroken, and the stillness gave no token,
And the only word there spoken was the whispered word,
«Lenore?»

This I whispered, and an echo murmured back the word,
«Lenore!» —

Merely this and nothing more.

Back into the chamber turning, all my soul within me
burning,

Soon again I heard a tapping somewhat louder than before.

««Surely,» said I, «surely that is something at my window
lattice;

Let me see, then, what thereat is, and this mystery explore —

Let my heart be still a moment and this mystery explore; —

««Tis the wind and nothing more!»

Open here I flung the shutter, when, with many a flirt and
flutter,

In there stepped a stately Raven of the saintly days of yore;
Not the least obeisance made he; not a minute stopped or
stayed he;

But, with mien of lord or lady, perched above my chamber
door —

Perched upon a bust of Pallas just above my chamber door —
Perched, and sat, and nothing more.

Then this ebony bird beguiling my sad fancy into smiling,
By the grave and stern decorum of the countenance it wore,
«Though thy crest be shorn and shaven, thou,» I said, «art
sure no craven,
Ghastly grim and ancient Raven wandering from the Nightly
shore —
Tell me what thy lordly name is on the Night's Plutonian
shore!»

Quoth the Raven «Nevermore.»

Much I marvelled this ungainly fowl to hear discourse so
plainly,
Though its answer little meaning – little relevancy bore;
For we cannot help agreeing that no living human being
Ever yet was blessed with seeing bird above his chamber
door —
Bird or beast upon the sculptured bust above his chamber
door,

With such name as «Nevermore.»

В дом с крыльца скользнул я тенью, от себя гоня
в смятении
то, что даже в сновиденьи смертным видеть не дано.
И когда замкнулся снова круг безмолвия ночного,
в тишине возникло слово, тихий вздох: «Лино...
Лино...?».
Но услышал лишь себя я – эхо, мне шепнув «Лино...!»,

смоккло, вдаль унесено.

Только дверь за мной закрылась (о, как гулко сердце билось!),

вновь усиленный молчаньем, оттененный тишиной
тот же звук раздался где-то. «Что ж, – подумал я, –
раз нету

никого там, значит, это ветер воет за стеной.

Просто ветер, налетая из зимы, из тьмы ночной,
бьется в ставни за стеной!».

Настежь тут окно раскрыл я. Вдруг зашелестели крылья
и угрюмый черный ворон, вестник древности земной,
не чинясь, ступая твердо, в дом вошел походкой лорда,
взмах крылом – и замер гордо он на притолке дверной.
Сел на белый бюст Паллады – там, на притолке дверной,
сел – и замер предо мной.

От испуга я очнулся и невольно улыбнулся:
так был чопорен и строг он, так вздымал он важно грудь!
«Хоть хохол твой и приглажен, – я заметил, – но отважен
должен быть ты, ибо страшен из Страны Забвенья путь.
Как же звать тебя, о Ворон, через Стикс державший
путь?»

Каркнул ворон: «неверррнуть!».

Что ж, не мог не подивиться я руладе странной птицы:
хоть ответ и не был связным, к месту не был он ничуть,
никогда б я не поверил, чтобы в комнате над дверью

видел этакого зверя кто-нибудь когда-нибудь —
чтоб на мраморной Палладе вдруг заметил кто-нибудь
тварь по кличке «Неверррнуть».

But the Raven, sitting lonely on the placid bust, spoke only
That one word, as if his soul in that one word he did outpour.
Nothing farther then he uttered – not a feather then he
fluttered —

Till I scarcely more than muttered «Other friends have flown
before—

On the morrow *he* will leave me, as my Hopes have flown
before.»

Then the bird said «Nevermore.»

Startled at the stillness broken by reply so aptly spoken,
«Doubtless,» said I, «what it utters is its only stock and store
Caught from some unhappy master whom unmerciful
Disaster Followed fast and followed faster till his songs one
burden bore —

Till the dirges of his Hope that melancholy burden bore
Of «Never – nevermore’.»

But the Raven still beguiling all my fancy into smiling,
Straight I wheeled a cushioned seat in front of bird, and bust
and door;

Then, upon the velvet sinking, I betook myself to linking
Fancy unto fancy, thinking what this ominous bird of yore —
What this grim, ungainly, ghastly, gaunt, and ominous bird
of yore

Meant in croaking «Nevermore.»

This I sat engaged in guessing, but no syllable expressing
To the fowl whose fiery eyes now burned into my
bosom's core

This and more I sat divining, with my head at ease reclining
On the cushion's velvet lining that the lamp-light gloated o'er,
But whose velvet-violet lining with the lamp-light gloating
o'er,

She shall press, ah, nevermore!

Then, methought, the air grew denser, perfumed from an
unseen censer

Swung by Seraphim whose foot-falls tinkled on the tufted
floor.

«Wretch,» I cried, «thy God hath lent thee – by these angels
he hath sent
thee

Respite – respite and nepenthe from thy memories of Lenore;
Quaff, oh quaff this kind nepenthe and forget this lost
Lenore!»

Quoth the Raven «Nevermore.»

Испустив сей хрип бредовый, гость мой вдаль глядел
сурово

как певец, когда сорвется с вещей струн последний звук.

Так сидел он, тень немая, черных крыл не подымая,
и вздохнул я: «Понимаю: ты пришел ко мне как друг,
но тому, чей дом – могила, ни друзей уж, ни подруг...»

«не вернуть!» – он каркнул вдруг.

Вздвогнул я слегка (ведь тут-то в точку он попал как будто),

но решил: «Припев унылый – все, что слышать ты привык
в чьем-то доме, на который Фатум, на расправу скорый,
натравил несчастий свору, и убогий твой язык
в этой скорбной партитуре лишь один припев постиг:
«не вернуть!» – тоскливый крик».

Усмехнулся я украдкой, так легко найдя разгадку
этой тайны, и уселся в кресло, чтоб слегка вздремнуть...
Но взвилась фантазмов стая надо мной! И в хриплом
грае,
в дерзком, мерзком этом грае все искал я смысл и суть.
В том зловещем кличе птичьем все хотел постичь я суть
приговора «не вернуть!».

Так сидел я без движенья, погруженный в размышленья,
перед птицей, что горящим взором мне сверлила грудь.
Передумал я немало, головой склонясь усталой
на подушек бархат алый, алый бархат, лампой чуть
освещенный – на который ту, к кому заказан путь.
никогда уж не вернуть.

Вдруг пролился в воздух спальни аромат курильниц
дальних,
вниз, во тьму, с высот астральных заструился светлый
путь,
и незримых хоров пенье слышу я: «Во исцеленье
Небо шлет тебе забвенье – так забудь ее... забудь...

пей же, пей нектар забвенья, пей – и мир вернется
в грудь...»

Тут он каркнул: «не вернуть!»

«Prophet!» said I, «thing of evil! – prophet still, if bird or
devil! —

Whether Tempter sent, or whether tempest tossed thee here
ashore,

Desolate yet all undaunted, on this desert land enchanted —
On this home by Horror haunted – tell me truly, I implore —
Is there – *is* there balm in Gilead? – tell me – tell me,
I implore!»

Quoth the Raven «Nevermore.»

«Prophet!» said I, «thing of evil! – prophet still, if bird or
devil!

By that Heaven that bends above us – by that God we both
adore —

Tell this soul with sorrow laden if, within the distant Aidenn,
It shall clasp a sainted maiden whom the angels name
Lenore —

Clasp a rare and radiant maiden whom the angels name
Lenore.»

Quoth the Raven «Nevermore.»

«Be that word our sign of parting, bird or fiend!» I shrieked,
upstarting —

«Get thee back into the tempest and the Night's Plutonian
shore!

Leave no black plume as a token of that lie thy soul hath

spoken!

Leave my loneliness unbroken! – quit the bust above my door!
Take thy beak from out my heart, and take thy form from
off my
door!»

Quoth the Raven «Nevermore.»

And the Raven, never flitting, still is sitting, *still* is sitting
On the pallid bust of Pallas just above my chamber door;
And his eyes have all the seeming of a demon's that is
dreaming,
And the lamp-light o'er him streaming throws his shadow on
the floor;
And my soul from out that shadow that lies floating on the
floor

Shall be lifted – nevermore!

«Кто ты? – взвился я с досады, – дух? пророк?
исчадь ада?

Искусителя посланник или странник в море бед,
черным вихрем занесенный в этот край опустошенный,
в мир мой скорбный и смятенный? Но ответь мне:
разве нет,
нет бальзама в Галааде, чтоб вернуть слепому свет?».

«Не вернуть» – пришел ответ.

«Птица, дьявол ты, не знаю! – крикнул я, – но заклинаю
этим небом, горним светом, указующим нам путь:
напророчь мне, гость незванный, что в земле
обетованной
сможет вновь к Лино желанной сердце бедное прильнуть

и вернуть тот свет блаженный хоть на миг... когда-нибудь...».

Каркнул ворон: «Не вернуть».

Тут я встал: «Твое признание принял я – как знак прощанья.

Уходи же, кто б ты ни был – в бурю, в ад, куда—нибудь!
черных перьев не дари мне! лживых слов не говори мне!
одиночество верни мне! с бюста – вон! в недобрый путь!
И из сердца клюв свой вырви, чтобы жизнь вернулась
в грудь».

Каркнул ворон «Не вернуть».

С той поры сидит упорно надо мною ворон черный.
Ни на миг под этим взором не проснуться, не уснуть.
А в зрачках безумной птицы демон дремлющий таится,
и от крыльев тень ложится, на полу дрожа чуть-чуть...
И души из этой тени, что легла плитой на грудь,
не поднять – и не вернуть!

*James Henry Leigh Hunt*⁵¹ / Джеймс Генри Ли Хант
(1784 – 1859)

The Glove and the Lions

King Francis was a hearty king, and loved a royal sport,

⁵¹ Цит. по: PoemHunter.com.

And one day as his lions fought, sat looking on the court;
The nobles filled the benches, and the ladies in their pride,
And 'mongst them sat the Count de Lorge, with one for whom
he sighed:

And truly 'twas a gallant thing to see that crowning show,
Valour and love, and a king above, and the royal beasts below.

Ramped and roared the lions, with horrid laughing jaws;
They bit, they glared, gave blows like beams, a wind went
with their paws;

With wallowing might and stifled roar they rolled on one
another;

Till all the pit with sand and mane was in a thunderous
smother;

The bloody foam above the bars came whisking through
the air;

Said Francis then, «Faith, gentlemen, we're better here than
there.»

De Lorge's love o'erheard the King, a beauteous lively dame
With smiling lips and sharp bright eyes, which always seemed
the same;

She thought, «The Count my lover is brave as brave can be;
He surely would do wondrous things to show his love of me;
King, ladies, lovers, all look on; the occasion is divine;
I'll drop my glove, to prove his love; great glory will be mine.»

She dropped her glove, to prove his love, then looked at him
and smiled;

He bowed, and in a moment leaped among the lions wild:
The leap was quick, return was quick, he has regained his
place,

Then threw the glove, but not with love, right in the lady's
face.

«By God!» said Francis, «rightly done!» and he rose from
where he sat:

«No love,» quoth he, «but vanity, sets love a task like that.»

James Henry Leigh Hunt / Джеймс Генри Ли Хант
(1784 – 1859)

Перчатка и львы

Был сердцем храбр король Франциск и толк в забавах
знал.

На схватке львов он как-то раз глядел с балкона в зал.

Там были славные мужи и дам придворных цвет,

И граф Делёрж сидел там с той, которой дал обет.

Здесь были все, кто знали толк и в битве, и в любви —

Король вверху, бомад — внизу, на дне — королевские
львы.

Как ветер быстр их лап удар, их рык как гром в ночи,

Ужасен их зубов оскал, и когти как мечи.

Метался дьявольский клубок на желтом дне арены,

И вились гривы на ветру в клубах песка и пены.

Со свистом взвился за барьер кровавых струй фонтан!

«Нет, видит Бог, – сказал король, – все ж лучше здесь, чем там!».

Делёжа спутница была прелестна и юна.

С улыбкой к рыцарю склонясь, подумала она:

«Граф храбр как лев и раб любви, а, значит, храбр вдвойне —

Безумством пусть докажет он свою любовь ко мне.

Увидит мой триумф цвет дам, бомонд и сам король.

Ты хочешь, граф, на даму прав – сыграй героя роль!»

И ах! перчатка вниз летит, и тут с поклоном граф

Ко львам бежит – и вмиг назад, перчатку подобрал.

Но отказался граф от прав на даму, сев с ней вновь,

Когда с перчаткой бросил ей в лицо свою любовь.

«И поделом! – вскричал Франциск. – Ты прав, считаю я:

Нет, из любви не шлют на смерть – шлют из тщеславия!».

Rudyard Kipling⁵² / Редьярд Киплинг (1865 – 1936)

Tommy

I went into a public—'ouse to get a pint o' beer,

The publican 'e up an' sez, «We serve no red—coats here.»

The girls be'ind the bar they laughed an' giggled fit to die,

I outs into the street again an' to myself sez I:

⁵² Цит. по: PoemHunter.com.

O it's Tommy this, an' Tommy that, an' «Tommy, go away»;
But it's «Thank you, Mister Atkins», when the band begins
to play,
The band begins to play, my boys, the band begins to play,
O it's «Thank you, Mister Atkins», when the band begins
to play.

I went into a theatre as sober as could be,
They gave a drunk civilian room, but 'adn't none for me;
They sent me to the gallery or round the music—'alls,
But when it comes to fightin', Lord! they'll shove me in the
stalls!
For it's Tommy this, an' Tommy that, an' «Tommy, wait
outside»;
But it's «Special train for Atkins» when the trooper's on the
tide,
The troopship's on the tide, my boys, the troopship's on the
tide,
O it's «Special train for Atkins» when the trooper's on the
tide.

Yes, makin' mock o' uniforms that guard you while you sleep
Is cheaper than them uniforms, an' they're starvation cheap;
An' hustlin' drunken soldiers when they're goin' large a bit
Is five times better business than paradin' in full kit.
Then it's Tommy this, an' Tommy that, an' «Tommy, 'ow's
yer soul?»
But it's «Thin red line of 'eroes» when the drums begin to roll,
The drums begin to roll, my boys, the drums begin to roll,

О it's «Thin red line of 'eroes» when the drums begin to roll.

Rudyard Kipling / Редьярд Киплинг (1865 – 1936)

ТОММИ

За пинтой пива захожу раз в паб я, например —
«Мы не обслуживаем тут, кто в красной форме, сэр».
Халдей к дверям как часовой, у стойки девки ржут,
а я на улице опять и про себя твержу:
«Эй, Томми, эй, такой-сякой, а ну, отсюда – марш!»,
но «Пожалте, мистер Аткинс!», когда оркестр сыграет
марш.
Оркестр сыграет марш, ребята, оркестр сыграет марш,
и «Пожалте, мистер Аткинс!», как оркестр сыграет марш.

Другой раз я зашел в кино, не брал ни капли в рот.
Они любую пустят пьянь – закрыт для Томми вход.
«Иди, – сказали мне, – в музей, в театр». Боже мой!
А только где-то полыхнет: «Марш в стойло, рядовой!».
Ведь Томми – он такой-сякой, пусть за дверью подождет,
но «спецпоезд Аткинсу подать!», когда пора в поход,
когда пора отдать концы, когда флот идет в поход —
спецпоезд, ребята, в порт подать, когда нам плыть
в поход.

Над Томми ржать, ложась в кровать, не стоит ничего
Не жрамши, он хранит ваш сон, и дешев скарб его.

Ругать солдата, как поддаст, любой из вас горазд —
чем с полной выкладкой шагать, вам легче в десять раз.
Слышишь: «Томми, такой-сякой – ты с утра по новой
пьян»?

но «Героев красный строй» нам сыграет барабан,
да, сыграет нам, ребята, нам сыграет барабан,
«Слава, красный строй героев!» нам сыграет барабан.
We aren't no thin red 'eroes, nor we aren't no blackguards too,
But single men in barricks, most remarkable like you;
An' if sometimes our conduct isn't all your fancy paints,
Why, single men in barricks don't grow into plaster saints;
While it's Tommy this, an' Tommy that, an' «Tommy, fall
be'ind»,
But it's «Please to walk in front, sir», when there's trouble
in the wind,
There's trouble in the wind, my boys, there's trouble in the
wind,
O it's «Please to walk in front, sir», when there's trouble in the
wind.

You talk o' better food for us, an' schools, an' fires, an' all:
We'll wait for extry rations if you treat us rational.
Don't mess about the cook—room slops, but prove it
to our face
The Widow's Uniform is not the soldier—man's disgrace.
For it's Tommy this, an' Tommy that, an' «Chuck him out,
the brute!»
But it's «Saviour of 'is country» when the guns begin to shoot;
An' it's Tommy this, an' Tommy that, an' anything you please;

Ан' Tommy ain't a bloomin' fool – you bet that Tommy sees!
Не красный строй героев мы – ничем не лучше вас,
но мы не дрянь и пьянь, пускай сорвемся кой-то раз.
Мы люди как все люди, мы в казарме просто спим,
а с тех, что спят в казарме, статуй не лепить святым.
Вечно «Томми такой, Томми сякой, куда ты прешь
вперед?»,
но «Пожалте, сэ, вперед на фронт!», как жареным
пахнёт.
Как жареным пахнёт, ребята, как жареным пахнёт,
тут же «Пожалте, сэ, вперед на фронт!», как жареным
пахнёт.

Весь шум, что надо лучше нас кормить и обучать,
а было б лучше для солдат – нас за людей держать.
Вы делом помогите нам, что проку с громких слов?
Ведь не солдат несет вину за траур наших вдов.
А Томми, он – то «такой-сякой, гони его, козла!»
то «наш спаситель и герой!», когда стрельба пошла.
Пусть Томми – он такой-сякой и «всегда стараться рад!»,
но видит все – он не дурак, у Томми меткий взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.